

ПРОЛОГ

Москва, Северное Тушино

Даже тёплыми летними вечерами, когда многие жители Москвы разъезжаются по отпускам или выбирают жить на дачи, в столице случаются пробки. В том числе — глухие. И не только на вылетных магистралях, по которым измученные жарой горожане спешат в благодатную прохладу Подмосковья, но всюду. Даже летом — бывает! — город плотно встаёт, окутываясь туманом выхлопных газов, гудками клаксонов и специфическим бормотанием водителей, проклинающих «этих идиотов». Но все «прелести» глухих пробок касаются исключительно автомобилистов, в то время как владельцы двухколёсных коней без особого труда просачиваются мимо застывших машин под завистливые и не самые одобрительные взгляды. В пробках мотоциклисты не чувствуют привычной свободы, но они хотя бы едут и при первой же возможности давят на газ, стремительно преодолевая расстояние до следующего светофора, утыкаются в хвост очереди и вновь начинают лавировать среди железных коробок. И только за городом для быстрых всадников начинается подлинное раздолье.

А на улицах — лишь после захода Солнца.

Когда раскалившийся асфальт устало переводит дух и проваливается в дремоту, кутаясь в желтоватый свет длинных фонарей; когда сонно шепчутся деревья, а тени жмурятся в прямоугольниках окон, именно тогда начинают реветь моторы, вызывая ругань добропорядочных граждан, — на улицах появляются мотоциклисты.

И чёрный, как зимняя ночь, «Харлей», что резко свернул на Свободу с Волоколамки, был одним из них: быстрых и раздражающих. «Харлеем» управлял рослый, могучего сложения мужчина в чёрном кожаном костюме — куртка, штаны, сапоги — и глухом шлеме. Мужчина выглядел рыцарем, по недоразумению сменившим коня обычного на железного, а девушка за его спиной казалась принцессой, которую рыцарь только что вырвал из лап кровожадного дракона — строго по каноническому тексту.

Проехав, а точнее промчавшись, по Свободе до прибрежного парка, мужчина сбросил скорость, огляделся, убедился, что за ними никто не следит, и медленно въехал в зелёную зону — вопреки всем законам и правилам. В обычном случае подобное поведение грозило разбирательством с полицией или недовольными гражданами, но «рыцарь» предусмотрительно активировал артефакт морока, сделав мотоцикл невидимым для всех, кто не умел смотреть сквозь наведённые чары, и тем избавил себя от возможных претензий. Нет, среди жителей Тайного Города попадались даже более въедливые и скандальные особи, чем иные москвичи-челы, но мужчина искренне надеялся, что они уже сидят по домам, а если и прогуливаются по тёмному парку, то не станут делать замечание масану.

Ночному охотнику.

Чей удел — пить кровь разумных.

Мужчину звали Адриан Малкавиан, и огонёк безумия, то вспыхивающий, то гаснущий в его красных глазах, служил дополнительной гарантией того, что никто из жителей Тайного Города не рискнёт нарушить их с подругой уединение: официально Малкавианы считались слегка сумасшедшими, неофициально — окончательно спятившими.

Тем временем парочка добралась до воды, заняв небольшую полянку среди высоких кустов и деревьев, где сбросила опостылевшую одежду, и особенно — шлемы.

— Как хорошо... — улыбнулась девушка.

— Тебе не холодно? — заботливо поинтересовался масан, вынимая из седельной сумки пакет с полотенцами.

— Мне здорово. — Она шумно вдохнула запах воды, потянулась и мечтательно закончила: — Мне замечательно...

Ей было лет двадцать, может, двадцать два, вряд ли больше... да и не дал бы никто больше этой свежей красавице — подтянутой, спортивной, с длинными ногами и длинными кудрявыми волосами, рыжими, словно осенний лес. Блестящие карие глаза, круглые щёчки с очаровательными ямочками, изящно очерченные губы — возможно, Шера и не была моделью с обложки, но мужчины на неё засматривались.

Мужчины самых разных генетических статусов, но девушка отдала своё сердце гиганту Малкавиану.

Сбросив одежду, Шера попробовала воду пальчиком правой ноги и негромко спросила:

— Искупаемся?

— Конечно.

— Прямо сейчас?

— Конечно.

— Тогда догоняй!

И резко забежала в реку, вызвав фейерверк брызг, окунулась с головой, проплыла под водой несколько метров, а когда вынырнула, увидела рядом Адриана. Обняла любимого за шею, поцеловала, прижалась крепко-крепко и радостно вздохнула:

— Адри, как же хорошо...

— А будет ещё лучше, — пообещал Малкавиан.

— Знаю...

Он был крепок и холоден. Даже в тёплой летней реке, даже в душевной Москве, даже в пустыне, по которой они однажды путешествовали, он всегда был очень холоден. Но при этом — крепок. Неистовый Адри, сильный и неутомимый. Красивый и немного сумасшедший. Их связь казалась противоестественной — какие чувства могут испытывать друг к другу охотник и жертва? — но была настоящей. Шера дышала для своего избранника, жила для него, думала только о нём и позволяла ему всё. Шера помнила каждое мгновение их первой встречи, помнила осторожённость, с которой начинались их отношения, даже лёгкий страх, а потом — безбрежный океан чувств, поглотивший её с головой...

Она любила.

И знала, что любима.

Несколько минут они с Малкавианом весело плескались, то уплывая в разные стороны, то вновь встречаясь. Постепенно оказались у берега, где вода доходила высокому Адриану до груди и он мог твёрдо стоять, и Шера ловко взобралась на него, лицом к лицу, обняв за шею и обхватив ногами.

Уселась, крепко поцеловала в губы и стала двигаться, пока неспешно, наслаждаясь его холодом, силой и желанием.

— Моя маленькая девочка...

— Твоя!

— Тебе хорошо?

— Очень...

Дальше будет ещё лучше, но Шера не торопилась к вершине, а предвкушала её и отдавалась огню постепенно — с каждым движением, с каждым толчком... остро чувствуя ответное желание. Малкавиан оставался холоден, но только снаружи. Шера знала, как будоражит Адриана её горячая кровь, и в какой-то момент стала теснее прижиматься к любимому.

— Сейчас?

— Да.

Продолжая поддерживать девушку левой, правой рукой Малкавиан нежно погладил её по шее, поцеловал и аккуратно, очень мягко, впился в плоть *иглами*. Шера тихонько вздохнула, замедлилась и улыбнулась, чувствуя полное единение с любимым.

Они получали друг от друга именно то, что им было нужно.
Каждому из них.

Адриан вынес Шеру на берег, положил на траву и резко, жёстко, но не грубо, а так, как ей нравилось, закончил, заставив перепачканную кровью девушку визжать и выть от удовольствия и даже ненадолго потерять сознание — и от потери крови, и от немислимого наслаждения. От острой смеси опасности и удовольствия.

— Восхитительно, — прошептала Шера минут через пять. — Невероятно...

Она всегда так говорила после.

— Наши чувства острее самого дикого секса, — заметил Адриан.

— Правда?

Ей было до ужаса приятно слышать эти слова.

— Чувства — это главное, что у нас есть, а кровь, секс и прочее лишь обрамляют их. Ты даришь мне не кровь, любимая, а огонь вот здесь. — Он прикоснулся к груди.

— Как хорошо, — эхом отозвалась Шера, которой даже в кошмаре не могло привидеться, что Адри нужна от неё только кровь.

— Я люблю тебя.

— А я люблю тебя.

Она лежала на спине, её рука рассеянно скользила по животу, а бёдра до сих пор едва заметно двигались, то раздвигаясь, то сжимаясь. Девушке было настолько хорошо с Адрианом, что ей требовалось много времени, чтобы прийти в себя. А Малкавиану нравилось смотреть на усталую подругу и любоваться её точёной фигуркой: небольшая грудь с чёрными бусинками сосков, длинные ноги с ещё узкими бёдрами, тонкие руки и худенькая шея — нежная, совсем девчачья. Шера как будто застыла в шаге между подростковой угловатостью и женской округлостью, и её «пограничная» фигура безумно возбуждала Адриана.

— Разведёшь костер? — спросила девушка, озираясь в поисках футболки.

— Конечно, — отозвался масан, поднимаясь.

Они приехали на эту поляну довольно часто, и в густой траве Малкавиан хранил небольшой запас сухого валежника. Принёс охапку, чиркнул зажигалкой, добавив чуть магии, чтобы огонь быстрее схватился, и сел на землю рядом с надевшей футболку Шерой.

— Побудем здесь до утра?

— Мне нужно встретиться с Адамом Носферату, — вздохнул Адриан.

— Во сколько?
— В два.
— У нас ещё куча времени.
— Ага. — Он улётится на землю и задумчиво провёл пальцами по спине подруги.

— Тебя что-то тревожит, — тихо произнесла Шера. — Я чувствую.

Сначала он хотел отмахнуться, сказать: «Ерунда», но неожиданно — и в том числе для себя самого — ответил:

— Сантьяга хочет заключить большой союз с непримиримыми и уговаривает Клаудию созвать Конклав.

— Тебя это волнует? — удивилась девушка.

— Меня волнует всё, что связано с семьёй.

— Да, конечно... — Шера поняла, что допустила ошибку, и постаралась исправить: — Разве Конклав — это плохо? Сантьяга хочет договориться ради мира...

— Сантьяга хочет договориться, потому что он слаб, — качнул головой Малкавиан. — Ярга теснит его со всех сторон, и Сантьяга хочет сделать нас союзниками.

— Разве это плохо? — повторила девушка.

— Он нас предаст.

— Почему?

— Потому что он нас ненавидит, — объяснил Адриан. И спокойно добавил: — Нас ненавидят все.

— Я — нет!

— Ты — моё единственное счастливое исключение.

Она повернулась и упала вампиру на грудь:

— А ты — моя жизнь!

— Именно... — Малкавиан хотел что-то добавить, но неожиданно привстал на локте и пристально посмотрел вдоль берега. Ничего не разглядел в темноте, но спросил: — Ты слышишь?

— Нет.

Шера давно привыкла к тому, что чувства ночного охотника гораздо острее, чем у неё, и не обижалась на вопросы, на которые не могла дать ответа.

— Шаги.

— Прохожий?

— Мужчина... один... И немного пьян.

Малкавиан улыбнулся.

— Адри, не надо, — прошептала девушка. Она поняла, что задумал возлюбленный. — У тебя ведь нет *жажды*.

— Никто ничего не узнает, — пообещал вампир: он принял решение и не собирался от него отказываться.

— Тебе не хватает меня?

— Больше крови — больше сил.

— Адри!

Масанам категорически запрещалось *высушивать* челов на территории Тайного Города. Скрутила *жажда* — отправляйся в путешествие, длинное или короткое — тебе решать, но с *жаждой* нужно справляться вдали от Москвы. Потом возвращайся и живи дальше. Таким был закон Тёмного Двора. Масаны, конечно, закон иногда нарушали и, если попадались, пощады не просили. Знали, что бесполезно.

— Я скоро. — В глазах принявшего решение Малкавиана вовсю пылало сумасшедшее пламя. — Десять минут.

— Адри...

— Любимая, всё будет хорошо.

Вампир натянул штаны и направился в темноту.

* * *

Деревья, деревья, деревья... кусты, трава по пояс, как в песне, и снова деревья. Такое впечатление, что не по Москве идёт, а по лесу. Хотя... Какое там «идёт» — пробирается! Совершенно не представляя, в правильную ли сторону движется.

Антон Буторин тихонько выругался и вновь, в сотый, наверное, раз, огляделся.

Где эта проклятая улица?

Улица в ответ промолчала — не посигналила раздражённым клаксоном, не взревела двигателем ночного гонщика, — а вот деревья, кажется, рассмеялись, шурша листьями и весело поглядывая на парня. Деревьям нравилось общество, они развлекались.

Глупость какая, а? Не кричать же, в самом деле, «Ау!».

Или всё-таки крикнуть?

С одной стороны, Антон понимал, что заблудиться не получится, и куда бы он ни пошёл, рано или поздно окажется на дороге или увидит дома. С другой — стало немного тревожно, поскольку на дворе глубокая ночь, а он пьяный. Ну, не пьяный, а крепко поддавший. Ну очень крепко... Ну...

Ладно — пьяный. Но уже немного проспавшийся.

А всё началось с того, что Витька предложил отметить его день рождения шашлыками на берегу. Идея понравилась, ведь лучше так, чем отправиться в какое-нибудь кафе, в котором будешь полностью зависеть от настроения неведомого повара и есть то, что ему взбрёт в голову. Или «наслаждаться» видом плохо вымытой посуды, как это случилось два месяца назад на празднике Майи, когда им принесли заляпаннные, со следами

помады бокалы, что вызвало у виновницы торжества истерику, а её муж закатил владельцу кафе грандиозный скандал. Посуду и приборы заменили, но вечер оказался испорчен... А сегодня всё прошло удачно: купались, загорали, флиртывали, выпивали, разумеется, но в меру, чтобы на жаре не развезло. Ближе к вечеру зажгли мангал, пожарили шашлык, снова выпивали, и вот после этой части праздника у Антона случился провал в памяти. Кажется, он с кем-то поругался, но с кем — неизвестно. Не подрался, поскольку цел, а именно поругался. Или обиделся на чьё-то замечание... Кажется, собрался домой, ушёл, невзирая на просьбы остаться, видимо, побродил по парку и заснул под большим кустом — какой позор! — проснулся и теперь пытается выбраться из зелёного лабиринта.

Хорошо ещё, что раскидистый куст надёжно скрыл его от ненужных взглядов и сумка со всем содержимым осталась в неприкосновенности. Бумажник, документы, телефон...

— Телефон! — Антон так обрадовался пришедшей в голову идее, что не удержался от восклицания. — Телефон!

Включить навигатор и определить местонахождение и направление движения!

Навигатор! Чтобы добраться до улицы! Кому расскажешь — засмеют, но сейчас, в полной темноте, среди деревьев, Антон схватился за эту мысль, как говорится, обеими руками.

— Навигатор!

Он вытащил из сумки телефон и разочарованно выругался — аппарат полностью разрядился.

— Да что за день сегодня такой?

Начинался задорно, закончился по-идиотски, и кто знает, какой сюрприз преподнесёт ночь...

Но додумать эту печальную мысль Антон не успел: увидел впереди неясную, едва различимую фигуру, кажется мужчины, и радостно взмахнул рукой:

— Эй!

Мужчина не пошевелился.

— Вы не подкажете, как добраться до улицы? Звучит глупо, но я заблудился.

Мужчина не ответил. Антон замедлил шаг.

— Вы меня слышите?

Показалось или мужчина кивнул?

Или показалось?

Или он пьяный?

— Я правильно иду? — вновь спросил Антон, останавливаясь. — Мне нужна улица Свободы...

А в следующий миг случилось нечто странное.

Невозможное.

Мужчина не двигался, Антон тоже стоял на месте, их разделяло примерно семь ярдов, как считал Антон — вполне достаточно, чтобы успеть удрать при необходимости, но незнакомец неожиданно шевельнулся, едва-едва шевельнулся, показалось — сделал полшага в сторону... и почти сразу оказался рядом.

Рядом!

Не в шаге, а рядом! Прижался к опешившему Антону, крепко обхватив его, и несчастный понял три вещи. Первое — мужчина очень, очень холоден. Второе — мужчина очень, очень силён. Третье — у мужчины длинные клыки.

Которые безжалостно вонзились в шею не успевшего закричать Антона.

* * *

— Адри, ты меня слышишь? — Шера нахмурилась: — Ты здесь?

Она послушно ждала Малкавиана на поляне, но десять минут давно минули, затем прошли следующие десять и следующие, а Малкавиан не возвращался. И не отвечал на телефонные звонки — девушка позвонила уже раз двадцать.

— Адри, ты решил поиграть? Хорошо, давай представим, что я — маленькая, наивная девочка, которая случайно оказалась в дремучем лесу...

Шера ничуть не боялась ни беспросветной темноты, ни своего одиночества, ни подозрительного шума, который всегда издаёт ночной лес. Она могла за себя постоять перед кем угодно, а если драка покажется опасной — могла сбежать, активировав лежащую в кармане «Дырку жизни» и провалившись в приёмную Московской обители. Шера не боялась, но её беспокоило долгое отсутствие любимого. Неужели у него возникли проблемы?

Какие?!

— Адри, это уже не смешно! — Девушка остановилась, вновь набрала номер друга, повернулась и быстро зашагала на звук сигнала. — Адри! — Сделала несколько шагов и замерла, разглядев распластавшееся на земле тело. — Адри?

Тишина.

У Шеры затряслись губы. Она прервала вызов, включила встроенный в телефон фонарик, направила луч на лежащего и вскрикнула, увидев остекленевшие глаза и перекошенный рот мёртвого вампира.

Адриан Малкавиан лежал прямо на тропинке, а его мускулистое тело покрывали отвратительные чёрные пятна.

ГЛАВА 1

*Приблизительно месяц назад
Шанхай, Китайская Народная Республика*

Длинные ночи...

Масаны, так уж сложилось на уровне генетики, боятся Солнца, ведь тёплый свет жёлтой звезды для них смертелен, и потому считается, что вампиры предпочитают северные страны, те, где лето короткое, зима длинная, а ночи ещё длиннее. Предпочитают высокие широты, на которые Солнце заглядывает нечасто и неохотно, а день являет собой короткий промежуток между утренними и вечерними сумерками. Именно на севере, по мнению большинства, масаны чувствуют себя в безопасности.

Но большинство, как это часто бывает, ошибалось.

Вампиры давно поняли, что главная их проблема вовсе не Солнце, а возможность — или невозможность — спрятаться от его смертоносных лучей. Если есть надёжное укрытие, недоступное ни для чело­ва, ни для карательных отрядов Тёмного Двора, то какая разница, как долго длится световой день? Ведь для охоты достаточно часа и даже тридцати минут. Нужно лишь выйти, оглядеться, выбрать добычу и высушить её.

Всё просто.

Что же касается надёжных укрытий, то ими вампиров давно обеспечивали челы. Их жертвы. Их стадо.

Их пища.

Челы строили огромные города, опутанные бесчисленными подземными ходами, техническими коридорами, тоннелями метро, канализационными и коммуникационными сооружениями, подземными водопроводами, другими словами — любой большой город предлагал масанам жизненное пространство гигантских размеров, жизнь в котором текла независимо от смены дня и ночи. При этом сами челы старались держаться от подземного мира подальше, изредка сочиняя и пересказывая друг другу страшные истории о поселившихся там чудовищах, гигантских крысах и прочих мутантах, жаждущих крови невинных созданий. А масаны и их пособники эти

истории с удовольствием подхватывали и распространяли — чем меньше искателей приключений будет лазить под землёй, тем лучше. Что же касается пищи, то за нею можно сходить на поверхность.

Часа вполне достаточно. И даже тридцати минут...

В гигантских подземельях крупных городов могло спокойно сосуществовать до десяти кланов, иногда враждующих и воюющих между собой, а количество неприсоединившихся масанов и вовсе не поддавалось учёту. Гигантские подземелья были настоящим раем для кровососов, и выследить в них прячущегося одиночку считалось делом невозможным. Ведь масаны не только хитры и быстры — при необходимости они могли оборачиваться в туман и уходить от опасности через узкие щели и непроходимые для колдунов воздухопроводы.

Опасных и неуловимых вампиров можно было заманить в ловушку только предательством, и так, собственно, получилось в тот день в Шанхае: от встречи, намеченной в одном из дальних, почти забытых тупиков метро, одна из сторон не ожидала подвоха, однако незадолго до назначенного времени вокруг тупика стали мягко, ненавязчиво и незаметно формироваться магические контуры и петли, сплетающиеся в непреодолимую для масана стену. Сеть строили высококлассные маги, и потому она осталась незаметной для явившегося кровососа.

Даже несмотря на то, что этот вампир являлся истинным кардиналом семьи Масан.

Ровно в полдень — как было условлено — в тупик вошёл высокий худой мужчина в старой армейской куртке, брюках карго и потёртых солдатских ботинках. Мужчина носил чёрную вязаную шапочку, а когда её снял, обнаружились чёрные волосы до плеч и тончайший золотой обруч, надетый на голову столь плотно, что, казалось, врос в неё. Обруч украшала искусная гравировка, а венчал квадратный чёрный камень, расположившийся прямо над переносицей.

Обычно мужчина скрывал украшение под вязаной шапочкой, но сейчас решил продемонстрировать его. Из гордости. Чтобы показать, что, несмотря на преследования, в семье Масан остались истинные кардиналы. И пусть клан Робене почти исчез, а сам Пабло скрывается и сторонится сородичей, это ничего не меняет — он всё равно истинный.

Один из наследников великих предков.

Легенда.

Пройдя по тупику несколько шагов, Пабло остановился и огляделся — он явно рассчитывал явиться на встречу вторым. Выждав несколько секунд, вампир даже приоткрыл рот, намереваясь позвать кого-то, но передумал, повернул к выходу, и именно в этот момент из темноты тупика послышался негромкий голос:

— Я уже здесь, кардинал Робене.

Пабло вздрогнул, резко развернулся и очень холодно посмотрел на появившегося франта, облачённого в превосходно пошитый белый костюм — абсолютно неуместный в грязном метро. Франт был высок — чуть выше весьма не маленького Робене, худощав сложением и отличался элегантной мягкостью движений. Чёрные волосы уложены в аккуратный пробор, чёрные, глубоко запавшие глаза смотрят доброжелательно и чутьочку весело. Франт спокоен и слегка вальяжен.

— Добрый день, кардинал Робене.

— Я вас не заметил, комиссар.

— Я был в тени.

— Темнота — союзник ночных охотников, — напомнил вампир.

— Темнота — суть Тёмного Двора, — возразил франт. — Было бы странно, управляйся вы с нею лучше.

Встречу кардиналу Робене назначил Сантьяга, комиссар Тёмного Двора — высший боевой маг Великого Дома Навь. Интриган и воин. Сантьяга был успешен и на полях сражений, и в тайных операциях, ему служили сотни агентов и десятки тысяч информаторов, он знал всё, что могло так или иначе повлиять на жизнь Тайного Города или Тёмного Двора, и принимал участие во всех мало-мальски знаковых событиях. Говорили, что, если Сантьяги не видно в очередной интриге, значит, он не хочет, чтобы его видели. Только и всего.

Подданные Тёмного Двора считали комиссара главным заступником. Враги не любили, но уважали за твёрдость, целеустремлённость и верность слову, которое Сантьяга ни разу не нарушил.

— Тьма — это мой мир, кардинал Робене.

— Я знаю, что вы сильнее, — буркнул Пабло.

И не только в колдовстве, хотя его классическая форма превосходила магию Крови масанов. Основная проблема при общении с тёмными заключалась в том, что их кровь была ядовита для вампиров, и в присутствии навов ночные охотники не ощущали привычного высокомерия к «пище».

— И вы знаете о моём уважении, — размеренно продолжил комиссар.

— Поэтому пришёл на встречу.

— Не только поэтому, кардинал Робене, — мягко уточнил Сантьяга. — У вас были веские основания прислушаться к моему приглашению.

— Я знаю, что всё усложнилось, комиссар.

— Не просто усложнилось — всё стремительно валится в тартарары, кардинал. Равновесие, которое мы выстраивали тысячи лет, может быть нарушено. Если господствующая раса узнает о

существовании Тайного Города, последствия будут непредсказуемыми...

— И всё из-за Ярга, вашего первого князя, — зачем-то напомнил Пабло.

— Из-за того, что мы не хотим его возвращения. — Сантьяга тонко улыбнулся.

— А чего вы хотите?

— Мира. Хотя бы такого, каким он был несколько лет назад.

— С походами очищения? — почти небрежно уточнил вампир.

— Вы знаете, что они необходимы, и знаете, что мы никогда не увлекались и не проявляли излишней жестокости, — произнёс комиссар и так же почти небрежно уточнил: — Хотя могли.

«Походами очищения» называли кровавые рейды Великих Домов и живущих в Тайном Городе масанов против непримиримых вампиров, отказавшихся принять Догмы покорности. Рейды проводились в тех городах, где безудержные выходки опьяневших от крови масанов угрожали режиму секретности и представляли собой беспощадную резню, по принципу «чем меньше их останется — тем лучше».

Эти походы вызывали ненависть у непримиримых и горечь у лояльных Тёмному Двору масанов, но их необходимость была очевидна, поскольку увещевания и призывы соблюдать хоть какие-то правила на диких почти не действовали.

— Ярга привлекает масанов, — негромко произнёс Сантьяга.

— Он тоже обещает мир.

— Другой мир.

— Привлекательный.

— Чем?

— Ярга обещает, что в его мире масаны займут достойное положение, соответствующее их происхождению и привычкам, — ответил Робене.

— Великие Дома всегда предлагали семье Масан разумный компромисс.

— Разумный — на ваш взгляд.

— Разве наши взгляды не совпадают?

— Наши с вами... — Пабло выдержал многозначительную паузу. — Наши с вами взгляды достаточно близки, комиссар, но масаны хотят свободы.

— Они хотят безнаказанно убивать, и Ярга играет на их примитивных инстинктах, — грустно возразил Сантьяга. — Вы ведь знаете, кардинал, что масаны нужны Ярге лишь как пехота — ударная сила, которая послушно бросится в атаку и погибнет на поле сражения. Но как только надобность в штурмовиках отпадёт, масаны будут повержены.

— Вы так говорите, — сказал Пабло, голосом выделив слово «вы».

— Потому что знаю Яргу, — уверенно парировал нав. — Ярга — император, и он не допустит междоусобиц и внутренних войн в своей империи, а ваши инстинкты, кардинал, — это постоянный источник напряжения. Вы не сумеете сдержаться, обязательно повторите ту глупость, которая предшествовала появлению Инквизиции, и тем заставите Яргу заняться вашей проблемой... И вот тогда самый жестокий поход очищения покажется вам детским утренником, потому что у Ярги нет опыта нашего князя, нет понимания необходимости компромиссов, нет желания договариваться — только подчинять. Ярга живёт этикой Первой Войны, а она велась на взаимное уничтожение.

Сантьяга замолчал, и в тоннеле долго, почти минуту, царила тишина. Полная тишина, поскольку сюда не долетало ни одного постороннего звука. Почти минуту Пабло обдумывал слова комиссара, после чего хрипло спросил:

— Чего вы хотите?

— Помогите уговорить масанов, — тут же ответил нав. — Я планирую собрать Конклав...

— В Тайном Городе? К вам не поедут! — А в следующее мгновение Робене опомнился, увидев чуть приподнятые брови Сантьяги, и сбавил тон: — Извините, что перебил.

— Ничего страшного, — улыбнулся в ответ комиссар. — Я понимаю ваше недоверие, кардинал Робене, но хочу рассказать, что договорённость уже достигнута и осталось уладить лишь незначительные формальности. Конклав состоится под мои личные гарантии и слово Клаудии, истинного кардинала Бруджа.

Второй и последний истинный кардинал масанов, дочь знаменитого барона Бруджа, считался самым авторитетным лидером непримиримых. Унаследовав ум отца и сферу его влияния, Клаудия последовательно вела работу по насаждению среди непримиримых правил сосуществования с челами, добилась определённых успехов, но появление Ярги спутало ей карты. Масаны почуяли возможность кровавой вольницы, убили или изгнали многих здравомыслящих кардиналов и стали отказываться от уже достигнутых соглашений.

— Конклав — последняя возможность компромисса.

— Что вы хотите предложить? — поинтересовался Пабло.

— То же, что и раньше.

— Ярга даёт больше.

— Я не торгуюсь, — покачал головой нав. — Сотни лет мы применяли политику кнута и пряника, но время уговоров прошло. Пора выбирать: или большинство масанов согласится с доводами Тёмного Двора, или мне придётся прибегнуть к насилию.

— Считается, что у вас проигрышная позиция, комиссар, — медленно проговорил Робене. — Все знают, что Ярга действует жёстко и его удары достигают цели.

— У меня трудная позиция, но не проигрышная, — спокойно отозвался Сантьяга. — Именно это я хочу донести до масанов.

— Они не поверят.

— Будем их убеждать.

— Каким образом?

— С помощью Амулетов Крови.

Ответ прозвучал очень спокойно, мягко, но у Робене задрожали пальцы. Пока — только пальцы, потому что голос масана остался твёрд:

— Комиссар? — Пабло вопросительно поднял брови, показывая, что не понимает произнесённого.

— Трудные времена требуют трудных решений, кардинал, — развёл руками нав. — Я мог бы угрожать масанам войной, мог бы начать её и одержать победу — без сомнений. Но при этом я потрачу драгоценные ресурсы. И я принял решение использовать иную возможность.

— Хотите создать послушных вам истинных кардиналов?

Сантьяга ответил собеседнику долгим взглядом.

Когда-то давно, когда семья Масан переживала бурный взлёт, кардиналом клана мог считаться лишь владелец соответствующего Амулета Крови — только он. Закон соблюдался неукоснительно: обладатель Каменных Глаз правил Трети, владелец Железного Пояса — Гангрелами, Носферату служили хозяину Крылатого Перстня, Мёртвая Роза была символом власти у Малкавианов, Драконьи Иглы — у Луминаров, Алое Безумие — у Бруджа, а Диадема Теней — у Робене. Семь Амулетов Крови — семь кардиналов. Но, оказавшись на чужой планете, потерпев сокрушительное поражение в войне за абсолютную власть и став изгоями, жителями ночи, боящимися высунуться на солнечный свет, масаны не сумели сохранить единство, и семья распалась на множество мелких кланов, во главе которых встал свой кардинал. А обладателей Амулетов стали звать истинными. Разумеется, их власть и авторитет были необычайно высоки, но кардиналы Робене последовательно изымали у истинных символы власти и...

— Мне нужно знать, что вы сделали с Амулетами Крови, — мягко произнёс Сантьяга.

— Уничтожил, — отрезал Пабло, отчаянно надеясь, что нав удовлетворится ответом.

И понимая, что этого не произойдёт.

— Подробности, пожалуйста.

Робене отвернулся.

— *Пожалуйста...*

— *Я не стану вам помогать, комиссар, — произнёс истинный кардинал.*

— *Но ведь вы понимаете, что это лучший выход из положения?*

— *Это лучший выход из вашего положения, — возразил Пабло, мысленно прикидывая, как быстро он сможет обратиться в туман и куда следует лететь. — Семье Масан будет лучше, если Амулеты останутся там, где они сейчас.*

— *То есть вы их не уничтожили?*

— *Нам не о чем говорить!*

— *Как раз наоборот: неожиданно выяснилось, что у нас имеется очень важная тема для серьёзного и долгого разговора.*

— *Комиссар!*

— *Пабло, я предлагаю компромисс...*

— *Нет.*

В смысле — да, компромисс предложен, но нет — не принят. Последние секунды Робене не слушал нава, а готовился к трансформации, подгадывая так, чтобы обратиться молниеносно, без задержки, и при слове «компромисс» кардинал закончил строить аркан.

И сильно удивился отсутствию лёгкости, сопровождающей переход в состояние тумана. Взлететь к воздуховоду, который Пабло выбрал для отступления, тоже не удалось. А значит, тоннель пронизан заклинаниями, блокирующими магию Крови.

— *Комиссар? — укоризненно спросил вампир.*

Сантьяга ответил печальным взглядом. Затем едва заметно пожал плечами и спокойно продолжил свою фразу:

— *Пабло, я предлагаю компромисс: мы используем Амулеты, но вернём их вам после разрешения кризиса...*

Однако Робене не стал слушать:

— *Вы ведь дали слово!*

— *Я лишь попросил о встрече, — напомнил тёмный. — Вам следовало потребовать гарантий безопасности.*

— *Вы бы их дали?*

— *Безусловно.*

О гарантиях Пабло тогда не задумался, ему почему-то показалось, что они даны сами собой... но два нава, которые вышли из Тьмы тупика, наглядно показали вампиру, что при заключении сделки следует обсудить все условия.

— *Вы совершили подлость, — тихо промолвил Робене, протягивая перед собой руки.*

Один из тёмных защёлкнул на них наручники, очень надёжные, разработанные специально для масанов. Второй зашёл кардиналу за спину.

— Я предлагал договориться, — напомнил Сантьяга. — И у вас ещё остается эта возможность, но... разговор мы продолжим в другом месте. Здесь, на мой вкус, сыровато.

*Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
29 июня, среда, 12:01*

Трудно сказать, почему Великие Дома повелели семье Красных Шапок селиться именно в Бутове. Возможно, они сочли прогнозы предсказателей слишком фантастическими и верили, что это маленькое поселение никогда не войдёт в состав Москвы, а останется навсегда далёкими выселками. Возможно, им показалась удачной мысль поселить дикарей «где-нибудь на юге», по дороге в Орду и Гуляйполе. Но самой правдоподобной кажется версия, что высшие иерархи Великих Домов понятия не имели, что Шапки добрались до Тайного Города, а когда с удивлением узнали — предпринимать какие-либо шаги было уже поздно.

Дикари заселились, обустроились, и вскоре в Бутове сформировалось гнездовье Красных Шапок, ныне имеющее форму четырёхугольного здания красного кирпича с небольшим внутренним двориком и одиноко торчащей башней. Называлось оно Южным Фортом и репутацию среди окрестных челов имело заковыристую: дикарей не любили. Дикари отвечали тем же. И лишь благодаря строжайшему требованию Великих Домов соблюдать режим секретности в Бутове до сих пор не случилось ни одного массового сражения в режиме «стенка на стенку» со смертоубийствами и автоматной пальбой.

Мелкие потасовки, разумеется, не в счёт.

В Тайном Городе Шапки считались необузданными, невоспитанными, непредсказуемыми, а главное — необучаемыми. Их вечно пьяная вольница, напоминающая польских шляхтичей периодов бескорольевья, выводила Великие Дома из себя, и когда несколько лет назад власть над всеми тремя кланами дикарей захватил Кувалда Шибзич, провозгласивший себя великим фюрером, жители Тайного Города вздохнули с облегчением.

Разумеется, имелось ожидание, что самопровозглашённого вождя скинут в ходе ближайшей междоусобицы, но оно не подтвердилось. Междоусобица случилась, Гниличи и Дуричи полезли свергать, но одноглазый узурпатор вышел из драки победителем, укрепился и прочно вцепился во власть. В Южном Форте наступило затишье. То есть буянить Красные Шапки не

прекратили, но головной боли от них значительно поубавилось: Великие Дома стали выговаривать не всем дикарям разом, а одному, конкретному, и этот, конкретный, прищулив единственный глаз, стал вешать виновников.

Так и жили.

Дикари привыкли, Великие Дома успокоились, великий фюрер командовал, и больше всего на свете его заботили две вещи: пресечение внутренней смуты и где взять денег. Для решения первого вопроса во дворе воздвигли семейную виселицу, а со вторым всё было не так просто.

Где взять денег?

Расходы на содержание семьи и Форта не потрясали воображение, но они имели место быть, и перед главным дикарём периодически вставал вопрос: где взять денег?

А самое неприятное заключалось в том, что никто из верных подданных не мог дать великому фюреру толковый совет, поскольку толковые подданные среди дикарей отсутствовали в принципе. И полагаться можно было лишь на слово неунывающего Копыто, верного, шустрого, но не самого умного. Хоть и сообразительного.

Полагался Кувалда часто, и в этот самый момент уйбуй, то есть глава десятки Копыто Шибзич, стоял перед великим фюрером и, как положено, пожирал его глазами. Пожирал долго, минут пять, что в конце концов вызвало неприязненный вопрос:

— Что ты на меня пялишься, фереве? — Шепелявость — родовая черта Шибзичей — проявлялась у Кувалды особенно сильно, и вместо «д» великий фюрер произносил «ф».

— Как положено смотрю! — бодро отрапортовал уйбуй, дыша в главу семьи вчерашним виски.

— Выпил уже?

— Виски по утрам — это не развлечение, а второе дыхание, — сообщил уйбуй, громко икнув.

— То есть выпил? — уточнил великий фюрер.

— То есть да.

— Тогда почему безрафостно смотришь?

— А чего лыбиться? — не понял Копыто. — Я чо, блогер или за деньги нанимаюсь?

— Куфа ты за феньги нанимаешься? — заинтересовался Кувалда.

— Говорю же — никуда.

— Тогфа зачем говоришь?

— Что говорю?

— Что нанимаешься.

Несколько секунд уйбуй внимательно смотрел на верховного семейного лидера, переживая одновременно и недоумение, и тяжкое похмелье, потом решил не спорить и разъяснил:

— Потому что дурак, — мудро рассудив, что подобное самоуничтожение выбьет из-под одноглазого табурет и тот заткнётся.

Тот, конечно, не заткнулся, но говорить с дураком стал тише, почти по-отечески, проявляя понимание к интеллектуальной трагедии подчиненного.

— Вот ты фурак, — вздохнул Кувалда. — А мне нужны умные.

— А где их взять? — развел руками Копыто.

— Вот и я говорю.

— Да...

Дикари помолчали, после чего уйбуй подытожил:

— Вижу, трудно тебе, Твоё великофюрерство.

— С вами легко не бывает, — отмахнулся одноглазый.

— Это верно, — не стал спорить Копыто. — А когда мы трезвые — мы вообще звери.

— А когфа это вы трезвые? — изумился одноглазый.

— Когда денег нет.

Неожиданный переход к главной теме дня поверг Кувалду в уныние.

— Фа, фенег нет. — Великий фюрер помолчал. — А они нужны.

— Зачем? — машинально спросил Копыто.

— Фля семьи.

— Жениться решил?

— Тьфу! — выругался Кувалда, немного удивлённый глупостью — обычно уйбуй проявлял большую сообразительность. — Фля нашей семьи!

— На мне жениться решил? — испугался Копыто. — Ты это брось, Твоё великофюрерство, ты, конечно, глава семьи и всё такое, но в мою сторону гляди тем глазом, который у тебя пустой. Я толерантностью не занимаюсь, у кого хочешь спроси.

— Ифиот! — взревел Кувалда.

— Только без рук, — предупредил Копыто, отступая тылом к капитальной стене.

— Ни на ком я жениться не собираюсь, тем более — на тебе, ферево! Мне феньги нужны для всех Красных Шапок.

— Раздавать будешь?

— Кому?

— Всем Красным Шапкам, — подумав, ответил уйбуй. — Кстати, когда будешь раздавать — мне скажи пораньше, хотя бы минут за десять, я поближе встану.

Нет, сегодня мыслительный процесс уйбую не давался.

Кувалда потрогал указательным пальцем рукоять ятагана, вздохнул, пробормотал:

— Если этому тыкву снести, то с кем останусь? — Плюхнулся в кресло и велел: — Наливай.

Копыто верноподданно ослабился, извлёк из кармана штанов плоскую флягу, две маленькие стопки, ловко их наполнил и поднёс вождю:

— Угощайся.

Великий фюрер залпом выпил виски, провёл рукой по украшающей лысую голову красной бандане — волосы у дикарей не росли — и негромко произнёс:

— Короче, нужны феньги.

— Много?

— Всё, что можно фостать.

— Столько у меня нет, — вздохнул уйбуй.

— А сколько есть?

— Денег вообще нет, — опомнился Копыто. — Но знаю, как можно продержаться: тут важно хорошее настроение...

Фраза показалась смутно знакомой, особенно первая часть, а поскольку вторая внушала определённый оптимизм, Кувалда приказал:

— Рассказывай.

Уйбуй, разлив по стопкам следующую дозу, начал:

— Можно стать депутатами...

Но сразу был прерван:

— Какие фепутаты, ферево, когфа у нас монархия повсюфу и в Зелёном Фоме тоже? Или ты в революционеры пофался?

— Можно стать человеческими депутатами, — успокоил одноголазого вождя Копыто. — У человеческих депутатов зарплата большая, а делать ничего не надо. Ещё можно, когда депутатом станешь, законы разные писать, как будто тебе сейчас плохо живётся и нужно ещё больше денег, чтобы новые законы придумывать, чтобы спасти себя как придумывателя новых законов от голодной смерти, ну или если в казино проиграешься.

— То есть самому себе можно фенег выписывать? — недоверчиво прищурился Кувалда.

Он, конечно, запуская руку в семейную казну, обычно по локоть, но иногда — по пятки, однако всегда старался скрыть это от подданных. И вдруг с горечью понял, что в этом отношении цивилизация челоу шагнула гораздо дальше.

— То есть вот так напишешь: мне нафо фенег — и берёшь?

— Хоть каждый год, — подтвердил Копыто. И важно добавил: — Потому что инфляция.

И выпил.

Одноголазый подозрительно осмотрел повеселевшего подчинённого и хмуро спросил:

— Ты вофки, что ли, с утра нажрался?

— Не, я в Интернете был, — отмахнулся уйбуй.

— Меня твоя личная жизнь не волнует, — отрезал великий фюрер. — Ты, главное, руки после этого помыл?

— После чего? — не понял Копыто.

— После того, чем ты занимался.

В разговоре вновь возникла пауза, которая бывает, когда каждый считает собеседника кретином, но вслух об этом сказать стесняется, после чего выпил Кувалда, а уйбуй продолжил повествование о сладкой жизни:

— Станем депутатами — сразу напишем себе закон, чтобы зарплату поднять, потом напишем закон, чтобы помощникам зарплату поднять и чтобы нам машины дали бесплатно и квартиры тоже.

Одноглазый, которому только-только начало казаться, что он привык к фантазиям Копыто, чуть не поперхнулся:

— И машины?

— И квартиры! — радостно подтвердил уйбуй. — Я в Интернете читал.

— Как это? — не поверил великий фюрер.

— Бесплатно.

— Так не бывает!

— Челы заплатят, им не впервой, — отмахнулся Копыто. — Челам нравится платить депутатам. У них от этого демократия делается.

Слово показалось смутно знакомым.

Кувалда припомнил, что они как-то пробовали делать в Южном Форте демократию, но от недостатка цивилизованности получилась междоусобица. И теперь выходило, что правильно они не сделали демократию, потому что расходов получается гораздо больше, чем когда один-единственный фюрер в казну заглядывает, а где взять деньги — непонятно.

Поразмыслив, одноглазый хмыкнул и отвесил замечание:

— Фемократия штука форогая.

— Зато у всех равные возможности, — сообщил Копыто.

— Фавай без пропаганфы, — распорядился великий фюрер и разлил по стопкам остатки виски из фляги. — А мы что в фепутатах фелать буфем?

— Да ничего, — пожал плечами уйбуй. — Будем новые законы придумывать, чтобы нам жилось лучше. Ну там пенсию в два раза больше зарплаты, и чтобы эрлийцы бесплатно обслуживали...

— Челы об эрлийцах не знают, — напомнил великий фюрер.

— Можно деньгами брать, — подумав, ответил уйбуй. — Раз в месяц половину оклада на медицинские расходы.

— А если не болеешь?

— А кто будет проверять? — искренне удивился Копыто. — Депутатов даже за убийство ловить нельзя, а тут медицинские расходы какие-то.

— Почему нельзя за убийство? — вновь растерялся Кувалда.

— Потому что депутаты пишут законы. А если ты пишешь закон, а тебя, допустим, пьяным за рулём поймали, то сделать ничего нельзя, иначе закон пострадает. И за мошенничество нельзя. Ну и когда убьёшь кого-нибудь — тоже. Потому что законы важнее.

Прозвучало настолько логично, что одноглазому расхотелось спорить. Он крикнул, припоминая наиболее интересные детали прозвучавшего, пробубнил себе под нос: «...половину оклада на медицинские расходы...» — вновь потрогал себя за бандану и в завершение выпил.

После чего спросил:

— И что, челы так живут?

— Ага.

— Откуфа знаешь?

— В Интернете вычитал.

— Они в Интернете во всём этом сознаются?

— Они в Интернете этим хвастаются.

— Челы?

— Депутаты их.

— Странно... — По мнению Кувалды, подобное воровство следовало тщательно скрывать от всех, особенно от сородичей, но челы, похоже, окончательно деградировали. — И что нужно, чтобы стать фепутатом?

— Деньги заплатить, — как маленькому, объяснил Кувалде уйбуй.

И прекрасная идея молниеносно померкла.

— В кассу? — кисло осведомился великий фюрер.

— Тому, кто умеет делать депутатов.

— Если феньги есть, зачем фепутатом становиться? — резонно спросил одноглазый, откидываясь на спинку кресла. — Все-таки ты большой фурак, Копыто.

— Рад стараться, Твоё великофюрерство! — рявкнул в ответ уйбуй, прибирая обратно фляжку.

— Проваливай!

— Слушаюсь!

Обрадованный Копыто выскочил из кабинета, а великий фюрер вздохнул и тоскливо уставился в окно.

Где взять денег?

*Цитадель, штаб-квартира Великого Дома Нави
Москва, Ленинградский проспект,
29 июня, среда, 14:14*

Знаменитая Цитадель — оплот и крепость великой Нави, одно из древнейших сооружений Тайного Города, — казалась его жителям излишне суровой. Конечно же, из-за ауры и тех бесчисленных ледящих кровь легенд, которыми было овеяно это массивное здание на развилке Волоколамского и Ленинградского шоссе. Строгая, как все «сталинские» дома, но отнюдь не угрожающая, Цитадель с величественным спокойствием взирала на проплывающую мимо жизнь, но один её вид заставлял обитателей Тайного Города нервничать.

А некоторых — потеть.

Но если в обычное время аура Цитадели определялась репутацией, то теперь она изрядно потемнела, что нашло отражение во внешнем виде здания: линии старого дома стали резкими, словно кто-то невидимый поднял уровень контраста, углы затвердели, готовые к штурму, а тени показались чёрным контуром защиты... Впрочем, так оно и было. В последнее время старая крепость подобралась, изготавившись к предстоящему сражению, сделалась особенно подозрительной и холодной.

А Тьма, наполняющая кабинет князя Тёмного Двора, стала вязкой. Не как желе, разумеется, но плотнее обычного, готовая мгновенно воздвигнуть стену между владыкой и миром. Кроме Тьмы, в кабинете находилось лишь простое деревянное кресло с высокой спинкой — для князя и простой деревянный стол, на краешек которого уселся вошедший Сантьяга.

— Добрый день.

— Ты снова в белом, — проклокотал повелитель Нави из-под низко надвинутого капюшона.

Мрак и бесформенный чёрный плащ размывали его фигуру, и в какие-то моменты казалось, что в деревянном кресле никого нет и с комиссаром ведёт беседу сама Тьма.

— На этот раз у меня белый даже галстук, — усмехнулся Сантьяга.

Ответ заинтересовал владыку. Стусток мрака слегка шевельнулся, и послышался следующий вопрос:

— Почему ты не сказал, что костюм кремовый? — Пауза. — Или бежевый.

— Потому что сегодня он белый.

— Он всегда белый.

— Известно, что некоторые нюансы ускользают от вашего пронзительного взгляда, — очень серьёзно поведал повелителю Сантьяга. — Бесчисленные оттенки...

— Хватит резвиться, — велел князь.
— Вы сами завели разговор о моём костюме.
— Потому что ты всегда приходишь в нём.
— Желаете, чтобы я являлся голым?
— Желая, чтобы ты начал осваивать богатую цветовую палитру, в которой...

— Об этом я и говорил, — вежливо напомнил комиссар. — Белый цвет подразумевает бесчисленное множество оттенков, которые можно уловить лишь при детальном рассмотрении.

— Хватит резвиться.
— Да.

Интонации князя Сантьяга улавливал идеально и понял, что пора приступать к делам.

Он поудобнее устроился на краешке стола и поинтересовался:
— Как Ярга?

Вопрос вызвал заминку, судя по всему, владыка планировал слушать доклад, а не проводить его, но комиссар смотрел на князя с таким вниманием, что стало ясно — ответ его крайне интересует.

— Давай пока называть пленника Винсентом Шарге, — проклокотал повелитель Нави.

Именно в этом обличье и под этим именем Ярга устроил побоище в Замке, а затем оказался в Цитадели. Жители Тайного Города догадывались, кого захватил князь, но официально пленение страшного врага никто не подтверждал.

По разным причинам.

— Вы до сих пор не уверены, что в теле Винсента находится Ярга? — прищурился Сантьяга.

— Он до сих пор закрывается от моего взгляда, — недовольно ответил повелитель Тёмного Двора. — Я не могу пробиться сквозь защиту.

— Разве этот факт не является косвенным подтверждением, что Винсент — Ярга?

— Я должен быть уверен на сто процентов. — Князь выдержал паузу. — Иначе мы можем оказаться в глупейшем положении. Объявив о пленении злейшего врага, а затем узнав, что он на свободе.

Ярга — легендарный первый князь Тёмного Двора — не так давно вернулся из тысячелетнего заточения, но развернул столь активную деятельность, что Тайный Город затрясло от целой череды кризисов. Ярга собирался вернуть то, что считал своим по праву — империю, — и готов был идти к своей цели, не считаясь с жертвами.

— Тем не менее один положительный результат у нас есть, — задумчиво произнёс комиссар.

— Какой?

— Великий Дом думает, что Ярга попал в плен, но при этом Навь остаётся спокойной, — объяснил Сантьяга. — Никто не собирается его освобождать.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Это... действительно хорошая новость, — кивнул князь.

Потому что главная борьба сейчас велась за Навь. За каждого нава.

Ярга понимал, что без Тёмного Двора ему империю не построить, и только поэтому его война с Сантьягой и князем пока не выходила за рамки — Ярга не знал, как подступиться к родной семье. Как вновь возглавить тех, кто некогда против него восстал.

— Более того, навы не требуют объяснений, — продолжил комиссар. — Пленение Ярги стало для них будничным событием, как пленение какого-нибудь особенно наглого кардинала масанов: неплохо, конечно, но ничего особенного.

— Почему они молчат?

— Ждут нашего хода, — тут же ответил Сантьяга. — Время у нас ещё есть, но и затягивать с официальными объяснениями я бы не стал.

— Это понятно... — протянул повелитель Нави. — Ярга, безусловно, предполагал, что будет пленён, наверняка придумал план на этот случай, но пока я не понимаю — какой.

— Узнаем, — улыбнулся комиссар. — Кстати, вскоре состоится Конклав... раз уж мы заговорили о масанах...

— Ты собираешь в Тайном Городе кровососов? — удивился князь.

— Да. И очень жаль, что не смогу представить им пленённого Яргу — это позволило бы перетащить на нашу сторону всю семью Масан. Включая непримиримых.

— Это позволило бы нам решить все проблемы.

— Вы зрите в самый корень...

— Но сейчас не самый удачный момент для твоей затеи, — резко продолжил повелитель Нави.

— Поэтому я и собираю Конклав сейчас: потом уже не смогу, — мягко ответил комиссар. Но в его тоне отчетливо читалась ирония.

— Пытаешься выхватить последний меч?

— Вскочить на подножку уходящего поезда.

— Опять эти человские обороты! — недовольно хмыкнул князь. — Когда ты от них избавишься?

— Человские обороты более чем понятны.

— Что такое поезд?

— Чтобы объяснить, мне потребуется начать с первых лет Железного века.

— Человского Железного века, — уточнил повелитель Нави.

— Да...

— Зачем ты прикидываешься слабым?

Конклав, призванный заключить с непримиримыми масанами компромиссный мир, назрел давно. Несколько последних лет Сантьяга работал над тем, чтобы провести его на выгодных для Тайного Города условиях, однако намерение созвать кардиналов во время масштабной атаки, когда один из Великих Домов оказался в руках сторонников Ярги, а официального подтверждения его пленения до сих пор не прозвучало, демонстрировало слабость комиссара. Именно это имел в виду князь. Приглашённые кардиналы наверняка подумают, что растерянный Сантьяга хватается за соломинку и будет готов на всё, чтобы подкрепить свои позиции союзом с масанами... Точнее — уже подумали. И понимание этого сделает кровососов наглыми. В лучшем случае они завьсят свои притязания, в худшем...

— Они попытаются выкрутить тебе руки, — произнёс князь.

— Нет, — качнул головой Сантьяга.

— Нет?

— Нет.

Повелитель Нави замолчал, обдумывая неожиданный ответ комиссара, а через несколько секунд продолжил:

— Масанов много. Они сильны, невероятно агрессивны...

— И ненавидят Тайный Город, — добавил Сантьяга.

— В основном — Тёмный Двор.

— Весь Тайный Город, — не согласился с владыкой комиссар. — Лучшие маги Крови неспособны сравниться с классическими колдунами, и это их бесит. Второй момент заключается в том, что кровь жителей Тайного Города — кроме навской, разумеется, — для масанов большой деликатес.

— Что ты собираешься делать?

— Я планирую выбить у Ярги этого союзника, — ответил Сантьяга таким тоном, будто только что не рассказывал повелителю о ненависти, которую масаны испытывают к подданным Великих Домов.

— Каким образом?

— Договориться.

— Тебе нечего им предложить.

— Я обращусь к их разуму и постараюсь объяснить, что наша концепция мирного сосуществования гораздо перспективнее предлагаемой Яргой войны.

— Все государства, которые призывали к миру, уже пали.
— Не все, но я понимаю, о чём вы говорите.
— Ты... ты их провоцируешь, — догадался князь. — Зачем?
— Как вы правильно заметили: мне нечего предложить непримиримым, — ответил Сантьяга. — Я могу лишь апеллировать к их разуму.

— Не хочешь говорить?

Комиссар тонко улыбнулся, пошевелил пальцами, словно пробуя подготовленные слова на ощупь, и негромко произнёс:

— Вы всё прекрасно понимаете, князь: масаны всегда были проблемой, но с появлением Ярги они стали очень большой проблемой. Я обязан её решить тем или иным способом. Но при этом я должен думать о чувствах верных нам вампиров... Ведь я хочу приобрести новых союзников, а не потерять старых.

— Они тебя не послушают, — буркнул владыка. — Непримиримые захотят воспользоваться твоей слабостью и попытаются тебя убить.

— Надеюсь, — вновь улыбнулся Сантьяга.

И в его чёрных глазах запылал весёлый, но очень холодный огонёк.

*Зелёный Дом,
штаб-квартира Великого Дома Людь
Москва, Лосиный Остров,
29 июня, среда, 14:46*

Ураганные ветры перемен, которые сопровождали смещение королевы Зелёного Дома: убийства баронов и жриц, едва не случившаяся междоусобица, взаимные обиды, кровь, ненависть и прочие страшные события июня, — заставили вздрогнуть не только Великий Дом Людь, но весь Тайный Город. Но только не кабинет № 31, в котором на благо Зелёного Дома трудился старый Серис Турчи — вьедливый шас, привлечённый королевой Всеславой для поправки пришедших в плачевное состояние финансов. Этот шаг Всеславы стал полнейшей неожиданностью для Тайного Города, поскольку шасы являлись подданными Тёмного Двора и доверять одному из них все тайны казначейства казалось полнейшим безумием. Но королева рискнула заключить с Серисом сделку и ни разу об этом не пожалела... То есть, конечно, пожалела — когда ушлый шас принялся вытрясать налоги со всех её подданных, включая неприкасаемых, — но быстро поняла, что дело своё Турчи знает, и демонстративно перестала «вмешиваться в текущую деятельность казначейства», то есть вступаться за обиженных шасом придворных.

За полгода собираемость налогов утроилась.

За те же полгода Сериса трижды пытались проклясть и дважды — убедить «выйти на пенсию», предлагая грандиозные отступные. Но старик отличался не только въедливостью, но и запредельно отвратительным характером, и противодействие лишь придавало ему сил.

Все думали, что после смерти Всеславы Турчи и его помощники будут изгнаны из казначейства, но умная Всеведа решила не ломать хорошо работающий механизм и после долгого разговора тет-а-тет подтвердила контракт Сериса. Какие гарантии ему пришлось дать, Турчи никому не рассказывал, но, судя по всему, его всё устроило.

Несколько дней работа казначейства шла в обычном режиме, невзирая на потрясения: старик доходчиво объяснил подчинённым, что обсуждать государственные дела они должны исключительно в свободное время, однако сегодня у него состоялась ещё одна встреча со Всеведой, с которой Серис вернулся в глубокой задумчивости. Он дважды прошёл по коридору «финансового крыла» из конца в конец, заглянул в главный операционный зал, поглазел на фей-делопроизводительниц, но не оставил желчных комментариев ни об их работе, ни о внешнем виде — чего с Серисом до сих пор не случалось, вернулся в кабинет, не глядя подписал стопку бумаг, велел секретарю «не мешать» и вызвал племянников — братьев-близнецов Майно Томбу и Лебру Томбу, которых пристроил в казначейство Зелёного Дома «набираться опыта». Ну и для того, «чтобы было с кем работать, а то эти бешеные или сплетничают, или заклятия строят...»

И племянники, надо отдать должное, до сих пор дядю не подводили.

— Ходят слухи, что нас выгоняют, — произнёс Лебра, плюхаясь на предложенный стул. С этой фразы он начинал встречи вот уже две недели, чем немного надоел родственникам.

— Придумай новую шутку, — попросил Майно.

— Придумаю, когда ты перестанешь смеяться над этой.

— Я ни разу над ней не засмеялся.

— Хорошо, я подожду.

Как многие близнецы, Лебра и Майно не могли обойтись без склок, разборок и выяснений отношений. В целом они друг друга любили, но иногда так глубоко скрывали истинные чувства, что казались злейшими врагами. Что же касается внешности, то выглядели братья Томба заурядными шасами: чёрные кудрявые волосы, чёрные глаза и монументальные носы, позволяющие шасам вынюхивать золото и возможные неприятности.

— Недельный отчёт будет завтра к обеду, — сообщил Майно, с тревогой глядя на грызущего авторучку дядю.

Говорят, если у начальника довольный вид, значит, ты сделал что-то не так. Однако со старым Серисом такое не прокатывало: он всегда выглядел так, словно к его зубам прилипла кислая жвачка.

— Цифры тебя порадуют, — добавил Лебра.

— Мы думали, что из-за всех этих революций доходы уменьшатся, но пока поступления радуют.

— Потому что сейчас идут «мирные» поступления, — проворчал опытный Серис. — Провал начнётся со следующей недели.

— Мы так и подумали, — подтвердил Майно. — Увольняемся?

— Если прогнозируются убытки, то лучше зафиксировать прибыль и уйти в сторону, — поддержал брата Лебра. — Заявление я уже написал.

— Ты поторопился, — осадил племянника Серис, разглядывая обгрызенную авторучку. — Во-первых, вас должна вдохновлять грандиозность задачи: ведь получается, что судьба всего Великого Дома Людь зависит исключительно от нас. А во-вторых... — Старик пожевал губами. — Во-вторых, Всеведа не позволит нам уйти. Она понимает, что в этом случае финансы Зелёного Дома окажутся совсем уж в плачевном состоянии, а ей лишняя головная боль ни к чему.

— Мы — подданные князя Тёмного Двора, она не посмеет нас остановить, — напомнил Майно.

— Мы заключили сделку, — напомнил старик. — И нам придётся соблюдать её условия. Иначе какие мы шасы?

— Прямо диктатура получается с элементами репрессий, — посетовал Лебра. — Может, подключим журналистов и защитим наши права?

— Какие права? — заинтересовался Майно.

— Законное право разорвать контракт по нашему желанию.

— Ты помнишь, что стало с прошлой королевой?

— Э-э...

— Удачи в защите прав, — хихикнул старший близнец. Майно родился на три с половиной минуты раньше брата и постоянно это подчёркивал. — Я не подписываюсь.

— Я случайно ляпнул, — опомнился Лебра. — В порядке небудуманного предложения.

— Установлено, что когда вы вместе, то быстро побеждаете собственную глупость. — Старый шас многозначительно посмотрел на одного племянника, потом на второго, потом выдержал паузу, глядя в окно, и, лишь убедившись, что близнецы

готовы осознать тяжесть их положения, продолжил: — Всеведа прекрасно понимает, что уже со следующей недели доходы Великого Дома начнут падать, и потребовала повысить собираемость налогов. И отыскать новые источники финансирования. А чтобы мы чувствовали свою сопричастность, в ближайшее время наши доходы будут полностью зависеть от доходов Великого Дома и меняться соответственно: поднимем собираемость на десять процентов — получим премию в десять процентов...

— А если собираемость упадет на десять процентов? — осведомился Лебра.

— Догадайся.

— Наша премия уменьшится на столько же?

— Нет, вдвое больше: на двадцать процентов.

— Гм... — Младший близнец вздохнул и осторожно предложил: — Давайте вернёмся к теме необоснованных репрессий против нас и всего нашего народа.

— Подобный пункт был в контракте, — вздохнул Серис.

— Зачем вы согласились?

— Затем, что собирался поднимать доходы Зелёного Дома, а не ронять их, — ворчливо объяснил старик.

— Пусть Всеведа начинает войну, — хмыкнул Майно. — Во время боевых действий резко повышается потребность в магической энергии Колодца Дождей, хорошо идут артефакты и экономика существенно оживляется.

— Я предложил, — кивнул Серис. — Всеведа ответила, что война возможна, но не в ближайшие дни. А деньги необходимы сейчас.

— Значит, нужно посмотреть, кого мы ещё не нагнули, — подал голос Лебра.

— Какой ужасный лексикон... — поморщился старик.

— Извини, дядя, — вздохнул близнец.

— Но в целом ты прав.

— Спасибо.

— Доменами я займусь лично, вас бароны не воспринимают, — протянул старый Турчи. — Остаются вассальные семьи...

— Я с удовольствием пообщаюсь с концами, — предложил Майно. — У меня среди них есть знакомые...

— Не только у тебя! — взвился Лебра. — Ты — домосед, ты не знаешь, как говорить с концами.

— Зато я лучше знаю, о чём с ними надо говорить!

— О чём?

— О налогах.

— Ты идиот!

— А ты оставил всю прошлую зарплату в «Реактивной Куропатке»!

— Именно поэтому я легко найду с концами общий язык.

Горячность, с которой близнецы сражались за вассальную Зелёному Дому семью, объяснялась просто: каждый из них мечтал заняться финансами весёлых коротышек, сферой деятельности которых были игорные дома, тотализатор, рестораны, ночные клубы и прочие захватывающие дух развлечения — перспективы тут вырисовывались и широкие, и сладкие.

Однако старый Турчи вдребезги разбил мечты племянников:

— С концами, детишки, вам связываться рано: у них крепкие связи среди ведьм и они сожрут вас, не поперхнувшись.

— Подавятся, — пообещал Майно.

— Мы сами зубастые, — вздохнул Лебра.

Однако Серис остался непреклонен:

— Нет.

— Но из вассальных семей остались... — Лебра быстренько прикинул: — Приставники!

— У них всё в порядке: налоги поступают автоматически, как только открывается очередной клад.

Косматые здоровяки ведали скрытыми сокровищами, и все полагающиеся отчисления проходили через казначейство.

— Челы.

— Эти на коротком поводке.

— Тогда... — Братья переглянулись и хором поинтересовались: — Дядя, ты же не серьёзно?

— Абсолютно серьёзно, — подтвердил Серис.

— Моряны и Красные Шапки?!

— Сами решайте, кто кем займётся.

Близнецы издали разочарованный стон и вновь переглянулись. На этот раз глядя друг на друга почти враждебно.

— Бросайте жребий, — велел старик. — Длинная спичка — Шапки, короткая — моряны.

— Почему так? — машинально спросил Майно.

— В соответствии с продолжительностью жизни после визита.

— Мама говорила, что вы о нас позаботитесь.

— Я сделал всё, что мог, теперь ваша очередь расплатиться со мной за доброту.

— Умереть ради повышения налогов? — кисло спросил Лебра.

— Продемонстрировать, чему научились, — наставительно ответил Турчи. — И помните: сила морян — в том страхе, который они наводят.

— Дядя Серис, вы видели оборотней в боевой шкуре?

— Нет, Спящий миловал.

*Муниципальный жилой дом
Москва, Северный бульвар,
29 июня, среда, 16:37*

Клыки...

Длинные, острые и совершенно невозможные клыки... Для человека невозможные, но был ли тот мужчина человеком?

Был ли?

Неужели обладателя столь ужасных клыков можно назвать человеком? А как?

Слово пришло почти сразу: «вампир». Слово пришло не через день или два, не тогда, когда Антон обдумывал случившееся, запершись в квартире, а сразу, в парке, ночью, в тот самый миг, когда крепкий мужчина оказался в нескольких дюймах от Буторина и молодой чел увидел, как два его верхних клыка начинают удлиняться... мужчина стал ещё ближе... склонился к шее... и почему-то не хотелось сопротивляться... совсем не хотелось... Страх ушёл сразу после укола... едва заметного укола в шею... страх ушёл, сменился какой-то сонной, самоубийственно сонной расслабленностью...

Вампир...

Никаких других мыслей в ту минуту не было.

Вампир...

Мужчина чавкал, крепко держа Антона за плечи, со стороны могло показаться, что никакой трагедии не происходит, а просто соскучившиеся любовники решили приласкать друг друга посреди тропинки, благо в глухую ночь в парке никого нет, а потом...

Потом чавкающий мужчина поперхнулся. Только что шумно причмокивал, урча от удовольствия и прижимаясь к Антону холодным телом, и вдруг поперхнулся. Отстранился. Закашлялся, сделал шаг назад, отпустив ошеломлённого чела, которому очень хотелось, чтобы мужчина продолжал... Антон даже подался следом в надежде, что холодный здоровяк вновь с ним соединится, но тот выглядел не менее изумлённым, чем несостоявшаяся жертва. Посмотрел на свои пальцы — они чернели на глазах, прохрипел короткое ругательство и повалился на землю.

И только тут Антона отпустило.

Он всё понял...

«Вампир!»

Вскрикнул и бросился прочь. Не по тропинке, а проламываясь через кусты, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви. Что-то крича и, кажется, рыдая от страха — Буторин не осознавал себя и опомнился лишь возле своего подъезда.

«Приехали», — сказал таксист, повернувшись к трясущемуся от страха парню.

Антон расплатился, поднялся к себе, заперся на все замки и даже на шеколду, которой пользовался крайне редко, добрёл до комнаты, сел на диван и... уснул. Выключился, сам не заметив как. Проснулся же лишь к вечеру следующего дня. К счастью, это было воскресенье и на работу идти не требовалось.

Проснулся, испытывая странную, непривычную слабость, но списал её на похмелье. Что же касается ужасной встречи, то теперь она показалась Антону иллюзией... то есть казалась до тех пор, пока он не отправился в ванную и не увидел в зеркале окровавленную рубашку и две ранки на шее — как будто от острых клыков.

«Вампир!»

И всё перевернулось, потому что пьяный бред стал реальностью, а такой реальности не бывает! Она невозможна! Сказочна! И вернулся страх.

От которого Буторина тут же стошнило.

«Вампир?!»

А как ещё объяснить случившееся?

«Вампир?! В Москве? В парке? Вампир? Но ведь их не бывает, это вам кто угодно подтвердит. Кто угодно!»

Антон всеми силами пытался прогнать из воспоминаний «неудобные» моменты: чудовищную силу мужчины, его немыслимую скорость, жутко холодное тело и... укусы, конечно же.

«Раны? Я поцарапался, когда прорывался сквозь кусты! Скорость? Быстрым он показался, потому что я был пьян и заторможен. А холодным... Он же умер! Умер! Он, наверное, умирал, едва стоял на ногах, подошёл ко мне за помощью, схватился за меня и... умер. И похолодел! Всё остальное — пьяный бред».

Однако, чтобы уснуть той ночью, Антону пришлось принять снотворное. И на следующий день тоже, и потом... Но спал он всё равно плохо — ему снились клыки, жуткие, длинные клыки, вонзающиеся в шею. Снился холод мускулистого тела и ледяная неподвижность объятий. Но самое ужасное заключалось в том, что ему снилось наслаждение — каждая капля отдаваемой крови приносила Антону немыслимое удовольствие, от которого по спине бежали мурашки...

* * *

Шера отыскала Антона только в четверг.

Могла бы и раньше — безусловно могла, но девушка не хотела привлекать к поискам магов Тайного Города, поскольку, как тут ни крути, а Малкавиан планировал преступление.

Но сам стал жертвой.

Именно так решила Шера, обнаружив труп любимого: Адриан столкнулся с мелкой сошкой из Тайного Города, скорее всего, со слабеньким колдуном, у которого оказался с собой боевой артефакт. Адриан этого не ожидал и пропустил смертельный выпад.

Вот и всё: буднично, глупо, нелепо.

Красивый, полный сил Адри погиб от руки подлого труса.

И возмездия не будет, потому что Малкавиан атаковал первым. То есть... Шера понимала, что, если пойти в клан и рассказать правду о смерти Адриана, Малкавианы с удовольствием отомстят: отыщут убийцу и *высушат* его, позаботившись, чтобы никто не узнал о преступлении, но... но Шера хотела отомстить лично. Хотела увидеть, как будет уходить жизнь из его глаз. Хотела его мучений. Хотела унижений...

Проклятый чел должен заплатить!

И поэтому девушка стащила с Адриана куртку, на которой остались капли крови убийцы, перетащила тело любимого к мотоциклу и сбежала, искренне надеясь, что расследование закончится ничем. И её надежда оправдалась. Более того — к девушке никто не пришёл, поскольку Малкавианы логично решили, что Адриан погиб в стычке с неудачной добычей, а на охоту масаны ходят в одиночку.

Шера выждала три дня, после чего провела не очень сложный обряд поиска по генетическому коду, определила местонахождение чела, приехала к нему домой и... и обнаружила, что Антон понятия не имеет о Тайном Городе, а соответственно, у него не было заряженного артефакта и он никак не мог убить могучего Малкавиана.

Не мог!

Но для Шеры это уже не имело значения.

Девушкой владела ненависть. Лютая ненависть. И тот факт, что Антон оказался обычным челом, лишь упрощал задачу.

— Ты не просто умрёшь, — прошептала Шера, глядя на возвращающегося с работы Антона. — Ты пожалеешь, что появился на свет.

*Частный медицинский кабинет доктора Извекова
Москва, улица Россолимо,
29 июня, среда, 17:28*

Лучшими врачами Тайного Города по праву считались эрлийцы — выходцы из небольшой семьи, вассальной Тёмному Двору, но соблюдающей нейтралитет и охотно помогающей всем обратившимся. Если, конечно, обратившиеся могли оплатить их высококлассные, но недешёвые услуги. Эрлийцы сде-

ляли медицину смыслом и основой своей жизни, и в Тайном Городе поговаривали, что они рождались со стетоскопом в руках и умением пальпировать представителей любого генетического статуса. И шутка эта была шуткой лишь отчасти, поскольку каждый эрлиец знал наизусть едва ли не все книги и монографии по своей специальности, определял температуру тела по внешнему виду и различал шестьсот тридцать два заболевания по лёгкому покашливанию.

Штаб-квартира семьи Эрли, Московская обитель, располагалась в глухом уголке Царицынского парка, но многие эрлийцы — с разрешения отца Динамуса, разумеется, — вели частную практику, открывая кабинеты в городе, и доктор Извеков, он же брат Изяс, был одним из таких предпринимателей. Очень спокойный и очень опытный врач быстро завоевал доверие челов и получил весьма достойную практику, но при этом оказывал услуги и тем жителям Тайного Города, которые, по разным причинам, не хотели ехать в Царицыно: одним было лень, другие привыкли лечиться именно у Изяса и отказались уходить к другому врачу, третьи не желали «светиться» в шумной Обители. Некоторые из «третьих» были теми ещё клиентами, способными доставить солидному доктору множество проблем, например великий фюрер Кувалда: шумный, горячий, назойливо пахнувший оружием, кожаной одеждой и букетом различных сортов виски. Показывать фюрера челам не было никакой возможности, однако отказать постоянному клиенту брат Изяс не мог, поэтому, когда Кувалда позвонил и трагическим тоном потребовал немедленной встречи, эрлиец проверил расписание, увидел, что последний приём ожидается в четыре часа дня, и велел главарю дикарей приезжать к половине шестого, рассудив, что за ночь помещение успеет как следует проветриться.

— Только никому не рассказывай, что я у тебя был, лафно? — произнёс Кувалда вместо «Здравствуйте!», но так он начинал все свои визиты.

К слову сказать, визиты немногочисленные, поскольку Шапки к врачам обращались редко, в основном — к хирургам, с огнестрельными и колото-резаными ранами, и почти не доживали до болезней по старости. К тому же их пропитанные алкоголем организмы упорно сопротивлялись всем известным инфекциям, что позволяло крепко экономить на медицинской помощи, но, заняв высокий пост, Кувалда стал мнительным, боялся, что верные подданные его отравят, и навещал эрлийца с необычной для дикаря частотой.

— Что случилось? — осведомился брат Изяс, тоже проигноировав приветствия.

— Кругом изменники, трусы и обманщики, — с печалью сообщил великий фюрер, расстегивая кожаный колет. — Я окружен ифиотами и никому не могу фOVERять.

— Тогда к психиатру.

— А ты кто?

— Врач широкого профиля.

— Фа? — Кувалда изумленно вытаращился на эрлийца. — Но ты мне всегфа помогал.

— Разумеется, я же врач.

— А почему сейчас хотел послать?

— Потому что даже у самого широкого профиля есть границы.

— А-а... — протянул одноглазый, почёсывая татуированное пузо.

Волосы у дикарей не росли, и, видимо, поэтому — в качестве компенсации — Шапки «украшали» себя таким количеством татуировок, что их узор казался нижним бельём, тонким и буйно разрисованным.

— Я фогафывался, что тех, кто меня не любит, нужно к мозгоправам отправить, — неожиданно произнёс великий фюрер, закончив обдумывать слова эрлийца. — Они точно психи... — И перевёл взгляд на врача: — Как можно меня не любить?

На этот вопрос у брата Изяса ответа не было, и он предпочёл вернуться к делам:

— Что случилось?

— Сказал же: меня окружили фебилы. Гфе их можно вылечить?

— С тобой что случилось? — повторил эрлиец. И на всякий случай уточнил: — Зачем притащился?

— Я? — Как все дикари, Кувалда с трудом перескакивал с темы на тему, и ему потребовалось примерно десять секунд, чтобы понять, что за вопрос задал добрый доктор. — Живот... — Великий фюрер вновь почесал пузо. — Резко заболел. — Выдержал паузу и уточнил: — Наверное, меня отравили.

— Показывай, — решительно велел брат Изяс, который не собирался сидеть на работе до полуночи.

— Живот?

— Нет, то, что заболело, — саркастически ответил врач.

Но понять не был.

— Как я покажу, что заболело, если это внутри? — растерялся Кувалда, думая одновременно и о собственной болезни, и о том, как бы оказать карательную психиатрическую помощь тем, кто его не любит. Несмотря на старания, думать одновременно о разном получалось плохо. Наверное, имело смысл выпить.

— У тебя что, живот не открывается? — притворно удивился эрлиец.

— А что, так можно?

— Были бы деньги. — Брат Изяс брезгливо оглядел разрисованное брюхо и принялся натягивать тонкие перчатки. — Это новый тренд на рынке современных медицинских услуг: в животе клиента делается отверстие, через которое в любой момент можно добраться до любого органа.

— Зачем?! — изумился Кувалда, принимающий разглагольствования брата Изяса за чистую монету.

— Очень полезное изобретение, особенно для часто рожаящих женщин...

— Я не рожаяю. И я не женщина!

— Ну, всё поправимо...

— Не смей! — Великий фюрер отступил к стене и одновременно положил руку на ятаган. — Не приближайся!

Его устраивало быть мужчиной, и он не хотел ничего «поправлять».

Эрлиеца понял, что перегнул палку, и примирительно произнёс:

— Успокойся, я пошутил.

— Всё равно не приближайся, — велел Кувалда, прикидывая, не достать ли пистолет.

— Тогда сам лечись, — окрысился брат Изяс. — Забирай свои шмотки и проваливай!

— И провалю!

— И проваливай!

— И провалю!

— А когда снова заболит — езжай в Обитель. А ко мне больше не приезжай, мне надоело за тобой проветривать.

— Э-э... фа пофожфи ты! — замахал руками опомнившийся фюрер. — Я тоже пошутил. Мне лечиться нафо — меня отравили. И вообще: я вефь постоянный клиент, очень тебя ценю.

— Значит, надо удвоить стоимость визита, — тут же среагировал врач.

— Зачем?

— Чтобы ты смог показать, как сильно меня ценишь.

— Сильно я тебя ценю, сильно, — произнёс Кувалда. — Не нафо меня проверять, лучше живот вылечи.

— Ложись.

Одноглазый вздохнул, убедился, что в руках эрлийца нет скальпеля или иного режущего инструмента, расстегнул боевой пояс, с лязганьем уронил его на пол — эрлиеца вздрогнул, ожидая, что какой-нибудь из пистолетов выстрелит, — и завалился на кушетку.

— Вот.

— Где болит? — Брат Изяс мягко, кончиками пальцев прикоснулся к пациенту.

— Осторожно! — взвыл фюрер.

— Болит?

— Пальцы у тебя холофные, — ответил Кувалда. — Будто у кровососа.

— Придётся потерпеть.

— Ты что, окровососился?

— Заткнись! — Дикарь послушно умолк, а эрлиец надавил в другом месте. — Болит?

— Нет.

— А тут?

— Немного... если нажимаешь сильно.

— У тебя татуировка потускнела.

— Ты что, театральным критиком зафелался?

— Тогда уж художественным, — поправил пациента брат Изяс.

— Не фави сильно, хуфожник!

— Как ты меня назвал?

— Ой!

Судя по громкости последнего вопля, врач добрался до очага заболевания.

— Сильно болит?

— Ещё раз нафавишь — и я тебя пристрелю, — пообещал несчастный Кувалда.

И потрогал себя там, где должна была находиться кобура. Оружия не нашёл, зато убедился, что он по-прежнему не женщина, и успокоился.

— Понятно. — Эрлиец отступил от кушетки, велел: — Одевайся!

И принялся стягивать перчатки.

Великий фюрер полежал ещё немного, прислушиваясь к состоянию организма, затем уселся на кушетку и вопросительно уставился на доктора.

— Жить будешь, — ответил тот на немой вопрос.

— Фолго?

— Деньги у тебя есть?

— Сколько?

— А сколько ты хочешь жить?

— Всё плохо? — испугался одноглазый.

— Нормально всё у тебя, нормально, — успокоил клиента брат Изяс. — Надо заплатить за визит и анализы...

— За какие ещё анализы?

— Вот за эти. — Эрлиец ловко уколол великого фюрера в плечо. — У тебя наличные или карточка?

Кувалда посмотрел на пробирку, в которую врач засунул испачканную в его крови иглу, прищурился, когда над пробиркой стал подниматься едва заметный дымок, и пробурчал:

— Карточка. Я не рассчитывал, что придётся обращаться к форогостоящему врачу.

— Плати, — предложил эрлиец.

— Почему не потом?

— Потом ты можешь забыть, — объяснил брат Изяс, протягивая клиенту терминал. — Или от радости, или от горя.

— Что ты за врач такой?

— Один из лучших.

Одноглазый вздохнул, достал карточку и сунул её в устройство.

— Фоволен?

— Ты просто сделал то, что должен. Я же буду доволен, когда тебя вылечу.

— Меня нафо лечить? — вновь заволновался фюрер.

— Всех больных надо лечить, — ответил Изяс. И задумчиво добавил: — Иначе чем заниматься докторам?

— А жить я буфу?

— В философском смысле?

— Изяс, перестань! — не выдержал Кувалда. — Ты же видишь, что я нервничаю, и специально смеёшься! Меня отравили?

— Нет.

— Хорошо... — расслабился великий фюрер, но через мгновение вновь забеспокоился: — А почему живот болит?

— Съел что-то ненужное.

— Отравленное?

— Несвежее.

— Это может быть, — подумав, сообщил Кувалда. — Мы вефь срок гофности только у виски смотрим.

— У виски есть срок годности? — удивился брат Изяс.

— Случается, — махнул рукой одноглазый. И принялся одеваться.

— Ты, кстати, сегодня пил? — поинтересовался врач, оставившаяся у шкафа с порошками.

— Кстати, пил, — не стал скрывать дикарь. — Но в меру.

— стакан с утра?

— И потом ещё немного.

— Сможешь продержаться пару часов без выпивки?

— Зачем?

— Дам тебе быстрый порошок, — объяснил брат Изяс, решительно смешивая несколько разноцветных ингредиентов. — Через два часа будешь как самый настоящий огурчик.

— Зелёный? — испугался великий фюрер.

— Бойкий.

— Тогфа фавай.

Кувалда вытряхнул в рот собранную эрлийцем смесь, запил водой, деликатно рыгнул, пробормотав: «Не виски, конечно», и вновь прислушался к голосу организма. Организм пробурчал что-то неразборчивое и на том успокоился.

Эрлиец поморщился, включил кондиционер на полную мощность и отправился мыть руки.

— А ты чего расстроился? — поинтересовался он, включая воду. — Не в первый раз болеешь.

— Я пофумал: вдруг у меня живот от пьянства прихватило? — ответил одноглазый и совершенно напрасно уточнил: — Я вефь выпивал, когфа заболел.

— От пьянства у вас мозги начинают работать, — напомнил врач.

— Это фа, — согласился великий фюрер. — Виски — это ум нашей великой семьи и её честь тоже. Но во всём остальном алкоголь бывает врефен.

— Да ты что? — поперхнулся брат Изяс.

— Поверь, — важно ответил одноглазый. — Я нефавно ходил в Интернет... Меня Копыто научил...

— Чему?

— В Интернет, — объяснил Кувалда. — Он сначала про фе-путатов говорил, а потом я стал вообще смотреть на Интернет...

— Кувалда, перестань, ты же великий фюрер.

— Вот именно: я — великий фюрер! Моя жизнь важна для всей великой семьи Красных Шапок, поэтому я не имею права рисковать собой. Тобой — пожалуйста. А собой — нельзя. Поэтому я хожу в Интернет и читаю, как можно стать зфоровым и ничем не болеть.

— И как? — тут же спросил эрлиец, с трудом сдерживая хохот.

— Там разные способы есть, — отозвался начитанный Кувалда. — Можно, например, урину свою пить утром, и тогфа силы начинают внутри тебя крутиться и нукуфа не ухифить... Но мне не понравилось.

— Почему? — искренне удивился Изяс.

— Слухи могут пойти нехорошие, опять же — пацаны не поймут... Или вот: перепутаешь с утра на большую голову и чужую урину выпьешь. Что тогфа фелать?

— Как что? Так ведь ты ещё сильнее станешь!

— Почему сильнее?

— В тебе ещё и чужие силы забродят.

— Чужие... — Кувалда почесал себя под банданой, прикидывая, насколько он станет сильнее, заполучив через урину чужую мощь, но потом решительно покачал головой: — В общем, не понравилось мне. Виски лучше. — С этими словами он достал из кармана плоскую фляжку и сделал большой глоток. Вытер губы и довольно улыбнулся: — Уф-ф!!

Действие получилось настолько быстрым, что брат Изяс не сумел его предотвратить, и лишь после того, как великий фюрер крикнул и вытер губы тыльной стороной ладони, эрлиец простонал:

— Ты дурак?

Кувалда сначала опешил от подобной наглости, но через секунду вспомнил предупреждение доктора и побледнел:

— Я...

Плоская фляжка выпала из ослабевшей руки великого фюрера, и по чистейшему полу приёмной потёк ручеек виски.

— Кувалда, мне же здесь работать! — взвыл эрлиец и в гневе активировал стерилизующее заклинание. В кабинете запахло горящим виски. — Кувалда!

— Что со мной буфет? — пролепетал великий фюрер, пытаясь ухватиться за кушетку.

— На время потеряешь ориентацию.

— И всё? — почти обрадовался одноглазый, но в следующий миг вновь растерялся: — Ой...

— И будет голова кружиться...

— Ой...

— И тошнота...

— Гфе вефро?

— В твоей машине.

— Я не могу в таком вифе возвращаться в Форт, — простонал великий фюрер, медленно опускаясь на пол.

— Значит, переночуй где-нибудь, — процедил врач, подхватывая одноглазого под мышки. — Только не здесь. Здесь закрыто на деротацию.

На этих словах Кувалду вырвало.

* * *

— Это фюрер? — слотнув, спросил Штекер Гнилич, изумлённо разглядывая процессию.

— Великий фюрер, — поправил бойца уйбуй Утюг.

Они с приятелем проезжали по тихим улочкам, выбирая, какой магазин ограбить, увидели внедорожник вождя и решили посмотреть, что Кувалда тут забыл. Ожидание не затянулось, и как раз в тот момент, когда дикари допивали бутылку, из дверей с вывеской «Частный медицинский кабинет доктора Извекова» появилась заворожившая их процессия.

— А почему он такой... — Штекер снова слотнул и несколько раз сжал кулак, пытаясь с его помощью отыскать в голове нужное слово.

— Большой? — подсказал Утюг.

— Да! — кивнул Штекер, продолжая таращиться на невиданное зрелище. — Я его совсем другим помню.

— Кувалда так долго правит, что его другим никто не помнит, — не особенно верноподданно заметил Утюг.

Впрочем, он всегда был немного оппозиционером. Впрочем, все Красные Шапки были немного оппозиционерами и любили засунуть потную ладошку в карман и поёрзать в нем, складывая фигу. В знак протеста. Ну и для удовольствия.

— Видать, Кувалда — всё, — вздохнул Утюг. — Отфюрерствовал.

— Может, ещё оклемается?

— Ты что? — Утюг покачал головой: — Сам посмотри.

А смотреть было страшно, потому что Заморыш, водитель одноголозого, и пухленький брюнет в белом халате буквально несли великого фюрера к машине. При этом великий фюрер мычал, вращал глазом и рвался изнутри. Заморыш печально вздыхал, а пухленький злобно ругался.

— Надо его на телефон снять, — внезапно предложил Штекер, доставая трубку. — Для истории. Мы ведь, считай, на похоронах сейчас.

Утюг хотел запретить приятелю записывать умирающего вождя, но в последний момент передумал: в конце концов, видосик получится прикольный, можно будет поржать с пацанами, а если вдруг выяснится, что снимать великого фюрера было нельзя, то виноватым окажется не он, а дурак Штекер.

*Муниципальный жилой дом
Москва, Лялин переулок,
30 июня, четверг, 01:06*

Это было так привычно и так... странно. От сладости кружилась голова, но на губах ощущался едкий привкус горечи. Хотелось кричать от восторга, а на глазах стояли слёзы. Смесь

непонятных чувств сдавливала сердце так сильно, что хотелось вырвать его из груди.

Странно.

И лишь одно понятно: он до сих пор любит...

— Далина, — прошептал Сдемир. — Далина...

— Я люблю тебя...

Её голос. Её интонация. Волосы, глаза, губы, тело... Её чарующая сладость. Её невозможная прелесть.

— Далина...

Она здесь. Рядом. Близко. Она прижимается к нему всем телом, и он с наслаждением вдыхает запах её волос. Он чувствует её и знает, что не ошибся — рядом с ним Далина. Он чувствует её и знает, что ошибся — Далина мертва.

— Я люблю тебя...

Он обнимает её так крепко, что кажется — раздавит. Он ищет её губы и впивается в них крепчайшим поцелуем. Он в восторге. Он полностью выложился. Он...

Он хочет её убить.

— Тебе понравилось? — спрашивает она чуть позже, когда финал пройден, накатила усталость и хочется просто полежать. Не шевелясь.

Наслаждаясь усталостью.

— Тебе понравилось?

— Ты технична.

— И всё?

Сдемир сразу понял, что имела в виду Анна, но специально ответил грубовато. Теперь же, после короткой паузы, признался:

— В какой-то момент я действительно видел её, а не тебя.

— Ты всегда видел её.

— Нет, — не согласился молодой барон. — Я не видел её, даже когда ты стала ею. Только потом... когда мы... — Он грустно улыбнулся. — Тогда увидел.

Случившееся напоминало сон.

Удивительный и очень-очень странный сон о том, как ему предложили невозможное: вернуть любовь. Сон о том, что он снова может быть вместе с Далиной.

Дурацкий сон.

Сдемир хотел отказаться, но потом понял, что не сможет. Не хочет отказываться, потому что ужасно соскучился за те несколько дней, что прошли без Далины. Потому что он пытается забыть, но не выходит, потому что он пьёт, но не берёт даже чудский ликёр. Потому что горько так, что хочется выть, а выть нельзя, потому что рядом с ним волки. Волчицы. И если они поймут, что ему хочется выть, то сдерут с него шкуру.

С живого.

И поэтому Сдемир согласился на предложение, за которое ему хотелось убить, отправился со случайной девицей к ней домой и... нашёл Далину.

Настоящую.

— Стало легче? — тихо спросила Анна.

Она уже приняла свой настоящий — наверное! — облик эффектной брюнетки и расчёсывала перед зеркалом волосы, изредка поглядывая на лежащего барона.

— Нет, — коротко ответил Сдемир.

— Я так и думала.

— Тогда зачем всё это?

— Это для тебя, — спокойно ответила Анна. — Ты должен был её отпустить.

— Ты совсем рехнулась — говорить мне это?

— Ты уже понял, что я права, но слишком зол, чтобы принять.

— Ты знаешь, что я хотел тебя убить?

— У тебя не получилось бы.

Он помолчал, восхищаясь её самообладанием, после чего поинтересовался:

— Ты кто? — И прежде, чем девушка ответила, объяснил: — Я не маг, но у меня есть артефакты, определяющие некоторые заклинания, и я точно знаю, что ты не применяла морок. И не гипнотизировала...

— Я — метаморф, — коротко ответила Анна.

— Ого!

— Именно.

Метаморфами называли удивительных челов, чьи подвижные клетки позволяли принимать любой облик — хоть птицы, хоть зверя, хоть любого иного существа. Метаморфы полностью копировали объект, и их превращения были ограничены лишь массой тела: если метаморф копировал слона, то слон получался размером с крупную собаку.

Но уникальные способности были и даром, и проклятием: метаморфов не оставляли в покое, и ходили слухи, что все их линии были прерваны...

— Откуда ты взялась?

— Я — рабыня Сантьяги, — спокойно ответила девушка.

— Мог бы догадаться, — рассмеялся люд, хотя в действительности ему стало немного не по себе: какие ещё секреты скрывает Тёмный Двор? — Он тебя прислал?

— Комиссар сказал, что ты тоскуешь.

— Это так очевидно?

— Комиссар тебя знает.

— Значит, очевидно, — рассмеялся Сдемир, он закинул руки за голову и уставился в потолок. Ситуация начала забавлять молодого барона. — Расскажи о Сантьяге.

— Нет смысла.

— Почему?

— Ты никогда не поймёшь, говорю я правду или то, что велел комиссар.

— Я могу тебя убить.

— Ты никогда не будешь уверен в моей смерти. — Девушка закончила с причёской и смочила шею капелькой духов. Она пользовалась необычными, очень приятными духами: сейчас, когда Анне не требовалось изображать Далину, люд их почувствовал.

— Я буду уверен в твоей смерти, если сожгу тебя сразу после убийства.

— Зачем ты это говоришь? — удивилась девушка.

— Да просто так, — хмыкнул Сдемир. — Скажи, тебя можно арендовать на время? Ну, как Всеслава арендовала Сериса в казначейство? Сантьяга согласится тебя одолжить?

Странное дело: обещание убить не произвело на оборотня впечатления, а этот вопрос явно покоробил. Анна вздрогнула, скривилась, но ответила спокойно:

— Я сама решаю, на кого работать.

— Разве ты не рабыня Сантьяги?

— Юридически — рабыня, — без восторга подтвердила девушка. — Но это сделано для того, чтобы у меня не было проблем, ведь метаморфы — лакомые кусочки...

— А на собственность Тёмного Двора не позарится ни один другой Великий Дом, — кивнул люд.

— Верно. — Анна помолчала. — На деле я предоставлена самой себе.

— И делаешь что хочешь?

— Да.

— То есть ты сможешь уговорить комиссара разрешить поработать на меня?

Сдемир специально указал девушке на её зависимое положение, но оборотень вновь сдержалась. И ответила тихо:

— Зависит от цены.

— Что же он потребует?

— Не он — я.

Молодой барон улыбнулся — он ждал этого уточнения — и осведомился:

— Чего же ты потребуешь?

— Полагаю, ты придумал какую-то хитрую и опасную интригу, — медленно ответила Анна, глядя на Сдемира через зеркало. — Если ты хочешь, чтобы я в ней участвовала, и при этом участвовала не за деньги, а за совесть, тебе придётся выкупить меня у Сантьяги и дать свободу.

— То есть ты не всегда делаешь то, что хочешь?

Вместо ответа девушка вопросительно подняла брови:

— Ты согласен?

— Ты готова выйти из-под защиты Тёмного Двора?

— Я сумею спрятаться так, что меня никто не найдёт.

— Уверена?

— Убедена, — кивнула Анна. — Я хорошо изучила возможности Великих Домов и знаю, как вас обмануть.

— На что же ты готова за эту цену?

— На всё.

— И тебя не интересует, что я задумал?

— Если ты пообещаешь дать мне свободу, я сделаю что угодно, — твёрдо повторила девушка. Теперь она повернулась и смотрела молодому барону в глаза. Пронзительно смотрела.

— Неужели так плохо быть рабыней? — негромко поинтересовался Сдемир. — Юридически.

— Хочешь попробовать?

— Нет. — Молодой люд помолчал, а затем вдруг стал очень серьёзным: — Что Сантьяга потребует за твою аренду? Вряд ли его заинтересует золото.

— Предложи кое-что получше.

— Что?

— Свою дружбу.

— Стать шпионом? — прищурился Сдемир.

— Франц де Гир — шпион?

— Сомнительно.

— Я не скажу, что они с комиссаром друзья, но они доверяют друг другу. Предложи Сантьяге то же самое, и он сдаст меня в аренду.

— Уверена?

— На сто процентов.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, после чего Сдемир негромко спросил:

— Сантьяга велел со мной переспать?

— Сантьяга велел познакомиться с тобой и рассказать, что я могу, — ответила Анна. — Переспать со мной решил ты.

— А ты не посмела отказать... — Молодой барон выдержал ещё одну паузу и провел рукой по кровати: — Иди сюда.

ГЛАВА 2

«В социальных сетях продолжает набирать популярность хэштэг #встанемкакодин, посвященный предстоящему в ближайшее воскресенье грандиозному — по обещанию оппозиции — митингу и шествию против коррупции. Следует отметить, что агрессивная, точно направленная реклама и многочисленные вирусные ролики сделали своё дело: по данным из различных источников, акцию собираются поддержать почти все протестные течения, а на митинге ожидается выступление трёх или четырёх кандидатов в президенты...» (LifeNews)

«Какими неприятностями грозит Тайному Городу назначенное Сантьягой сборище непримиримых кровососов, которое комиссар называет Конклавом? Пресс-служба Тёмного Двора уверяет, что организация мероприятия исключает провокации и какие бы то ни было проблемы, но мы знаем непредсказуемость ночных охотников и давно разучились им доверять. Что мы должны знать о Конклаве, который пройдёт уже в ближайшие выходные? Есть ли объективная угроза нашей безопасности и в чём она заключается? Об этом и многом другом размышляют наши знаменитые эксперты...» (Тиградком)

*Южный Форт,
штаб-квартира семьи Красные Шапки
Москва, Бутово,
30 июня, четверг, 13:13*

Так получилось, что в родную гавань Южного Форта Утюг и Штекер Гниличи вернулись лишь на следующий день: записав «торжественный выход» великого фюрера из кабинета врача и проведив его машину долгими взглядами, дикари принялись шумно обмениваться впечатлениями и даже немного подрались: Штекер уверял, что лидера нации повезли в Московскую обитель, а Утюг — что хоронить, «потому что тут всё ясно». Победу в сражении не одержал никто, и, помахав кулаками, Шапки продолжили поиск подходящего, то есть не слишком защищённого, магазина, ограбили его, как планировали, взяв и деньги, и вожделенный виски, и проснулись где-то в Строгинской пойме. Не в ней, разумеется, а на берегу — после бурного празднования удачного налёта.

Допили то, что оставалось, и поехали домой.

До Бутова добрались без приключений, даже не «подрезали» никого по дороге, хотя и были почти трезвыми. Оказавшись во дворе, аккуратно — ну, насколько это было возможно — объехали центральную мусорную кучу, в которую вносила сильную лепту вся семья, припарковались у грандиозного, но уже грязноватого портрета великого фюрера — он, разумеется, свешивался с великофюрерской башни — и забрели в «Средство от перхоти», поскольку больше в Южном Форте забредать было некуда.

Внутри семейного кабака стоял традиционный шум, а в углу дрались. Но дрались без злобы и холодного оружия: просто четверо утюжили пятого, возможно — своего, возможно — укрывшего от сородичей добычу. А может — просто так, потому что пришло время.

В общем, всё обыкновенно.

Утюг и Штекер поглазели на драку, похвалили четверых за поставленные удары — что они, дураки, хвалить проигрывающего? — после чего прилипли к стойке.

— Нам бы это...

Бармен — конец по имени Лясций — понимающе кивнул и мигом оказался рядом, держа в руке бутылку «бима». Стаканы образовались перед дикарями как будто сами собой, из воздуха, и между Гниличами и глотком семейного нектара стоял лишь один вопрос:

— Деньги есть? — строго осведомился Лясций.

— Не без этого, — ухмыльнулся Утюг, показывая концу «лопатник» с магазинной кассой.

— Хорошо. — Виски бодро полилось в правый стакан. — Бутылку возьмёте?

— По бутылке на каждого.

— Приятно иметь дело с правильными клиентами, — улыбнулся бармен. Но улыбнулся не задорно, как это обычно получалось у концов, а немного грустно.

Дело в том, что в «Средство от перхоти» жизнерадостных толстяков ссылали в наказание: кто-то нахамил важному клиенту, кто-то переспал не с той женой, кто-то продал больше выпивки, чем решил рассказать деловым партнёрам... В общем, меры воздействия внутри семьи концов принимались разные, но работа в кабаке Красных Шапок считалась самой страшной из возможных кар, и потому Лясций держался без присущей концам жизнерадостности.

— А как здесь дела? — поинтересовался Утюг, залпом осушив стакан.

— Нормально, — пожал плечами конец, не совсем понимая смысл вопроса: скорее Солнце взойдёт на западе, чем в «Средстве от перхоти» что-нибудь поменяется.

— Не грустят? — уточнил Штекер, двигая к себе бутылку.

— Ваши никогда не грустят.

— Странно...

— Почему? — насторожился Лясций.

— Так ведь великий фюрер...

— Что великий фюрер? — тут же спросил сидящий слева от Штекера боец.

— Что великий фюрер? — с любопытством осведомился проходящий мимо Шибзич.

— Что великий фюрер? — удивился конец.

Обалдевший от такого внимания Штекер по очереди оглядел всех подавших голос сородичей, но сказать ничего не успел.

— С ним всё в порядке? — осведомился Лясций.

— Да, — коротко и веско обрезал Утюг, мысленно проклиная дурака Штекера и желая, чтобы неожиданный допрос поскорее прекратился.

— Наверное, — одновременно с уйбумом ляпнул Штекер, и все на него уставились.

В воздухе запахло неосознанными подозрениями в измене, предчувствием междоусобицы и поножовщины. В углу прекратили драться. Кто-то громко пожалел, что в зал нельзя пронести дробовики. Кто-то выскользнул за подмогой.

— Почему «наверное»? — прищурился Лясций.

— Потому что я его ещё сегодня не видел, — простодушно ответил Штекер, наконец-то сподобившись на правильный ответ.

К сожалению, было уже слишком поздно.

— Великого фюрера ещё никто сегодня не видел, — протянул сидящий слева боец.

— Надеюсь, с ним всё в порядке.

Утюг, который как раз собирался незаметно отлипнуть от стойки и пойти вон, мысленно застонал.

— А почему с нашим обожаемым великим фюрером что-то должно быть не в порядке? — насторожился въедливый боец.

— Сон плохой приснился.

— Нам сны не снятся!

— Тебе не снятся, а мне, может, начали, — огрызнулся Штекер, который наконец понял, что наболтал лишнего, и пытался — в меру своих способностей — отыскать выход из положения.

Но пока не получалось.

— Ты кого дураком назвал? — с угрозой поинтересовался вьедливый.

За его спиной стали появляться сочувствующие, Лясций привычно отступил к двери в подсобку, но драки не случилось.

— Успеете, — негромко, не оборачиваясь, но запредельно веско произнёс сидящий неподалеку Абажур Гнилич, и задиры молниеносно успокоились.

С тех пор как высший семейный пост занял Кувалда, должность «фюрер клана» во избежание междоусобиц упразднили, но неофициальную иерархию никто не отменял, и Абажур считался наиболее авторитетным уйбуем Гниличей. Его слово весило в клане не менее тонны пластида, и охотников ляпнуть что-нибудь поперёк находилось мало.

— Лясций, налей вьедливому виски за мой счёт, пусть успокоится. А вы, двое, идите сюда.

Выбора не было, поэтому Утюг и Штекер покорно подошли и осторожно присели за большой стол Абажура. Помолчали, пряча глаза от авторитетного уйбуя, но, поняв, что бить их пока не собираются, слегка расслабились.

— Штекер, почему ты решил, что у Кувалды проблемы? — поинтересовался Абажур, глядя вроде на Штекера, но в действительности — на Утюга.

Дело в том, что лет около семи назад авторитетный уйбуй Абажур от беспробудного пьянства окосел, причём как в прямом, так и в переносном смысле, и его глаза прихотливо расфокусировались, выбирая объект слежения скорее случайным образом, чем по желанию обладателя. Постепенно уйбуй научился хоть как-то управлять своенравными гляделками и всегда смотрел туда, куда хотел, но со стороны это выглядело странно.

— Просто подумал, — развёл руками боец.

— Ты не умеешь врать, — качнул головой Абажур, поправляя бандану. — И думать тоже.

— А ты не умеешь знать, вру я или нет, — довольно нахально отозвался боец.

— Я хитрый.

Штекер заткнулся, не в силах ничего противопоставить железной логике авторитетного уйбуя, и Утюгу пришлось взять слово:

— Мы вчера ездили по городу, там то да сё...

— Магазин подломили? — со знанием дела уточнил Абажур, глядя в потолок, а на самом деле — на то, как разливают виски один из его бойцов. За ценным продуктом следовало приглядывать, даже когда его бывало вдоволь.

— Ну да... — Утюг потёр подбородок. — Так вот, мы были на Россолимо, искали подходящее заведение, а потом смотрим — великий фюрер идёт...

— Не идёт, — вставил боец.

— Да, Штекер прав: не идёт, — согласился Утюг. — Одноглазый сам идти не мог, его эрлиец вёл.

— И Заморыш, — добавил Штекер.

— И Заморыш, — подтвердил Утюг.

Однако шофёр великого фюрера не интересовал Абажура.

— Какой эрлиец? — насторожился он.

— Там барыжит, — махнул рукой Штекер.

— Не барыжит, а здоровьем торгует, — поправил бойца Утюг. — То есть бодяжит.

— Наркотой? — удивился Утюг.

— Эрлийцы таким не промышляют.

— Тебе откуда знать?

— Так что с Кувалдой было, идиоты? — оборвал спор Абажур. — Он пьяный был?

— Нет.

— Нет, — согласился Утюг. И добавил: — Он как будто обдолбанный шёл. Я таких челов видел.

— Или больным он шёл, — вставил Штекер. — Жутко больным. Плохо ему было, потому к эрлийцу подался. Небось помирать...

— Докажите! — неожиданно прорычал Абажур. — Хватит слов, мля, доказательства есть?

— У него, — Утюг мотнул головой на бойца.

Штекер кивнул, достал телефон, отыскал нужный файл, запустил и подвинул телефон авторитетному:

— Вот.

Авторитетный взял телефон и поднёс его к левому уху. Ну потому, что в этот момент осуществлялся обзор именно этого сектора.

Короткое видео с мычащим, не держащимся на ногах Кувалдой дикари просмотрели в полном молчании. А когда оно закончилось, Абажур нажал на кнопку повтора, после которого Утюг сделал неутешительный вывод:

— Одноглазый, похоже, действительно никакой...

Гнилички поцокали языками, но соглашаться не стали — повернули головы к Абажуру, ожидая от него вердикт. Что же касается авторитетного уйбуя, то ему очень хотелось захохотать, заплясать или завопить от радости, но он сдержался. Оглядел столпившихся вокруг сородичей, кивая вверх-вниз, и многозначительно кашлянул:

— Хм-м...

— Может, его ещё вчера уже таким и закопали? — предположил Штекер, расценивший покашливание как разрешение говорить.

За столом стало очень тихо. То ли от неожиданности, то ли от открывающихся перспектив.

— Кувалду сегодня видели? — спросил Абажур, бросив на Штекера недовольный взгляд.

Гнилички покачали головами — дружно и отрицательно:

— Нет.

— Со вчера не появлялся.

— Прячется.

— Илидохлый уже, — повторил Штекер.

— Двойника нам привезут, — выдохнул Утюг. И тревожно округлил глаза: — Точно вам говорю.

— Кто? — поинтересовался Абажур.

— Что — кто?

— Кто привезёт?

— Да хоть Копыто, — подумав, ответил Утюг. Он знал, что Абажур терпеть не может авторитетного уйбуя Шибзичей, вот и ввернул ненавистное имя. — Копыто привезёт двойника или голема вообще и станет тут царствовать от имени этого...

Утюг явно хотел обидно обругать вроде бы умершего фюрера, но так же явно передумал, потому что подтверждения смерти пока не было.

— Будет царствовать от имени нашего обожаемого великого фюрера, — продолжил Утюг после секундной паузы. Заметил, что за ним внимательно наблюдают Шибзичи и Дуричи, и плавно превратил свою пылкую, можно сказать, оппозиционную речь в верноподданную и политически выверенную: — А этого допустить нельзя, потому что мы любим нашего великого фюрера. Пусть даже больного. Ведь он принёс мир и процветание в Южный Форт и во всю нашу могущественную семью.

— Да здравствует великий фюрер! — поддержали оратора бойцы, увидев одобрителный кивок Абажура.

Авторитетный уйбуй сначала хотел обругать Утюга за словеса в адрес вроде бы умершего лидера, но потом понял причину резкой смены курса и по достоинству оценил проявленную бойцом сообразительность.

Услышав привычное славословие, Дуричи и Шибзичи потеряли к совещанию Гниличей интерес, и напрасно, поскольку, едва они вернулись к выпивке, Абажур занялся планированием недружественных действий в сторону главы Красных Шапок.

Уйбуй наклонился вперёд, заставив Гниличей сомкнуться вокруг стола, и зашептал:

— Просто так бузить не станем. Но слух о том, что Кувалда при смерти, пустить надо. И тогда посмотрим, какого такого голема Копыто притащит на сегодняшнее совещание.

*Коммерческое здание
Москва, Расторгуевский переулок,
30 июня, четверг, 13:19*

Самостоятельность стоит дорого.

Независимость — ещё дороже.

Свобода — бесценна.

Настоящая свобода, с возможностью делать только то, что угодно душе, и выбирать лишь тех, с кем приятно и комфортно. Добиться такой свободы невероятно сложно, но именно она является для многих вожаемой целью.

Свобода...

Сколько Шера себя помнила, она всегда хотела вырваться из цепких объятий заботливых родителей и «чего-то добиться». Самой добиться, без помощи и поддержки, чтобы иметь возможность заявить: «Я ничем вам не обязана!» Чтобы каждая шишка — собственная. Чтобы потратить на каждую достигнувшую вершину вдвое больше времени.

Чтобы чувствовать себя от всех свободной...

Окончив школу, Шера отправилась в Москву и поступила в институт — сама, без помощи и поддержки, успешно отучилась три семестра, а следующей зимой случайно столкнулась на улице с хваном — нос к носу. Увидела вторую пару рук под наведённым мороком и так узнала, что обладает магическими способностями. Правда, не очень сильными, но ведь у большинства челов нет и таких. По классификации людов, девушка обладала уровнем «фея», а после года активных занятий в магической школе Зелёного Дома он поднялся до «больше, чем фея», тоже невысоко, но даже этот уровень казался Шере фантастикой. Ведь всё, о чём она мечтала, читая книги, всё, о чём грезилась во сне и наяву, сбывалось. Скромная Золушка превращалась в принцессу, и не простую, а в принцессу-волшебницу, перед которой готовились открыться все двери.

Шера понимала, что магия станет прекрасным помощником в карьере, впервые начала строить очень серьёзные планы на будущее и в один прекрасный день...

...влюбилась.